

СМЕНА

19
1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ринсиме ПОГОСЯН

В КЛАССЕ

Белоснежный фартучек крылат.
Ямочка на розовой щеке.
Лёгким шагом, парт минуя ряд,
Девочка приблизилась к доске.
Вот большими буквами она,
В пальцы взяя обточенный мелок,
Пишет, прилежания полна,
Всей планете заданный урок.
Тоненькие брови сведены:
«Миру — мир! Мы не хотим войны!»

Сорок школьниц — весь четвёртый
класс
Над тетрадями склонился вслед.
Дело мира — вот у них сейчас
Главный и любимейший предмет.
Сорок школьниц пишут, как одна:
«Миру — мир. Нам не нужна война!»

Перевела с армянского
Т. Спендиарова

Московский текстильный комбинат
имени А. С. Церетелевы. Ткачицы
поздравляют мастера Ф. Гайдарину
с досрочным выполнением плана.

Фото А. Моклесова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 19. 1953 год.

Год
издания
30-й

СИЛА КОМСОМОЛА— В ПАРТИЙНОМ РУКОВОДСТВЕ

Борис БУРКОВ

Много раз за границей приходилось видеть, с каким благоговением молодой нагр или девушка Испании, юноши Италии или Бразилии берут в руки дорогой для них значок члена Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи. Дело не только в огромном уважении и любви к советской молодёжи, но и в неискажаемой притягательной силе комсомола — детища Коммунистической партии Советского Союза. О славных делах комсомола, созданного Коммунистической партией 35 лет назад, знают во всём мире.

Комсомол Советского Союза насчитывает в своих рядах 18 миллионов юношей и девушек. Это огромная армия энергичных, инициативных и преданных делу коммунизма строителей новой жизни.

Комсомол Советского Союза носит имя вождя тружедников всего мира, имена создателя геронической партии коммунистов, основателя социалистического государства — великого Ленина. С именем Ленина связана история зарождения революционного движения среди молодёжи.

С первых дней своего существования Коммунистическая партия уделяла огромное внимание воспитанию молодого революционного поколения, созданию своих молодых резервов.

Ещё II съезд РСДРП призвалось окунуться в дело революционной самодеятельности среди учившихся молодёжи и в своём решении предложил всем организациям партии сказать всецкое содействие этой молодёжи в её стремлениях организоваться. На VI съезде партия обращает «самое серьёзное внимание на дело организации молодёжи».

Накануне Октябрьской революции в Петрограде, Москве, на Уrale, на юге России, во многих районах страны партия создавала организации революционной молодёжи, готовила их к боям с капитализмом.

В дни Октября партия привлекла революционную молодёжь к штурму старого, прогнившего мира. Молодёжь смело пошла за своей партией. Немало бесстрашных юношей и девушек, воспитанных геронической партией коммунистов, показало образцы беспредельной преданности делу революции.

Создав социалистическое государство, Коммунистическая партия наметила чёткие пути воспитания молодого поколения в новых условиях. Партия создала комсомол, определив роль и место этого организации в системе культуры пролетариата.

Комсомол — массовая организация молодёжи, организованная беспредельной для него приверженностью к партии. Комсомол помогает партии в решении коммунистического воспитания молодёжи. Он готовит резервы партийных, советских, хозяйственных и других работников страны. Чрезмером партия осуществляет свой влияние на всю молодёжь. Комсомол является для молодёжи ступенью, ведущей к широкой общественной и политической жизни, ведущей молодёжь к партии. Он, как горнило огромной печи, говорил М. И. Калинин, переплавляет и формирует нового, советского человека.

Через комсомол партия приобщает широкие массы молодёжи к государственной деятельности, прививает ей чувство ответственности за порученное дело, воспитывает качества, необходимые для строителей коммунизма. Организационная самостоятельность комсомола обязательно предполагает постоянное руководство ведущей, направляющей и организующей силы социалистического общества — руководство Коммунистической партии — руководство является источником силы и крепости комсомола, залогом всех его успехов.

Обеспечение руководства партии есть самое главное и самое важное во всей работе комсомола. Особая роль комсомола, его значение и сила состоят в том, что он беспредельно предан партии, что он является её верным помощником.

29 октября 1918 года в Москве собрался I Всероссийский съезд союзов рабоче-крестьянской молодёжи, провозгласивший рождение комсомола — боевой организации советской молодёжи.

С первого же дня существования комсомол в своих программных документах занял непреклонную волной советской молодёжи во всём и всегда следовать за партией, помогать ей неустанным краем, мечтам социалистического государства воспитывать борцов и строителей, коммунистического общества.

На первом своем съезде комсомол заявил, что он выражает свою полную солидарность с рабоче-крестьянской властью в её борьбе за коммунизм. И когда осенью 1919 года молодой Советской республике грозила смертельная опасность, II съезд комсомола объявил мобилизацию комсомольцев; призвав всех молодёжь встать на защиту завоеваний Октября.

В битвах с врагами Родины под знаменем Коммунистической партии, под её водительством комсомол проходил суровую школу

Коммунистическая партия в сражениях за молодую республику закаляла молодёжь. В тяжёлых условиях войны и хозяйственной разрухи партийные организации умели сплочивать молодёжь, вдохновлять её на решение серьёзных задач.

По призыву партии в годы восстановления народного хозяйства молодые рабочие шли на самые трудные участки. Трудовой героизм советской молодёжи в годы первых пятилеток, ударные бригады, почин молодёжи в социалистическом соревновании — всё это явилось естественным результатом повседневного партийного руководства работой комсомола.

Годы Великой Отечественной войны с особой убедительностью продемонстрировали успехи Коммунистической партии по воспитанию молодого поколения нашей страны. «Мне на страну умирать, товарищи! Это счастье — умереть за свой народ, — мужественно произнесла перед смертью юная героиня Зоя Космодемьянская. Изумрудный мир благородных подвигов, тысячи и тысячи доблестных герлов советского народа, воспитанных партией, отдали своим молодым жизням за счастье всего передового человечества. История не знала ещё такого массового героязма, какого показал советский народ в борьбе с фашизмом. Миллионы советских юношей и девушек носят на своих груди ордена и медали — заслуженные награды за подвиги в бою и служебные коммунисты.

Партия воспитывает у молодёжи чувство долга и ответственности за интересы своего народа, своей страны. Воодушевлённая решимостью XIX съезда партии, советская молодёжь с энтузиазмом鬥ится для осуществления великой программы строительства коммунизма.

Коммунистическая партия ярко определила задачи комсомола: её способом образования, учение, воспитание комсомол должен соединить с общим трудом народа, строящего коммунизм. Комсомол призван партией быть инцизионной, ударной группой, показывающей пример во всякой работе, проявляющей свою инициативу, свой почин.

Доля комсомола — воспитывать у молодёжи жажду к знаниям. Чтобы строить коммунизм, нужно знать, а для этого нужно много и хорошо, настойчиво и упорно учиться.

Все помыслы, все чаяния советских юношей, советских девушек проникнуты идеей честно-глупого служения великому делу коммунизма.

Партия воспитала у молодёжи высокое сознание её патриотического долга перед Родиной. Идеи учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина овладели широкими массами. По волне партии, благодаря её титанической работе эти идеи превратились в материальную силу. Советские люди, воспитанные партией, идут на любые подвиги, умноязычные молодёжи — итог воспитательной работы партии.

«Широкую известность на строительстве Стalingрадской ГЭС завоевала комсомольско-молодёжная бригада Ивана Кованина...», — писал недавно «Правда». Это — один из сотен тысяч сообщений о самоотверженной работе молодых патриотов. В промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве советская молодёжь, возглавляемая ей передовыми отрядами — комсомолом, — показывает изумительные примеры коммунистического отношения к труду, выполнения поручений партии и правительства.

В каждом городе, в каждой деревне комсо-

Комсомольский значок

Ты сегодня в блузке приколола
Комсомольский маленький значок.
Разгорелся пламенем весёлым
Знаком родного огёнек.

В нём горят октябрьские рассветы,
В нём сражения отблеск огневой,
Ляли великие залёты,
Альых звёзд сияния над Москвой.

Зарево горячего Донбасса,
Всполохи мартеновских печей,
Как ступеньки, звонких десяти классов
И начало юности твоей.

В нём ликот золото колосьев.
В нём тоннуги дроги впереди.
Ты уходишь в трудовой осен,
С комсомольским солнцем на груди.

Лариса РУМАРЧУК

закалки и мужества. За дело партии комсомольцы смело шли в бой. «Достаточно было взглянуть на эти молодые полки комсомольцев», — говорил С. М. Киров, — чтобы приобрести новые силы, новую уверенность в дальнейшей борьбе».

С первых дней существования комсомола его жизнедеятельность, его сила определялась руководством, направляющим воздейстиями партии. Партия вдохновляла юных патриотов на совершение подвигов во имя Родины.

молодцы ежедневно и ежечасно практически решают задачи строительства коммунистического общества. Комсомол по призыву партии направляет усилия всей молодёжи на решение задачи дальнейшего энергичного повышения материального и культурного уровня жизни населения.

Дать народу в достатке товаров массового потребления! — призвала партия. Комсомольцы, вся молодёжь промышленности, как и все советские люди, с воодушевлением взялись за решение поставленной партией насущной задачи. На текстильных, обувных, мебельных фабриках, на пищевых предприятиях, тысячи и тысячи других заводов комсомольцы и комсомолки идут в первых рядах молодых тружеников, боевых новаторов производства. С таким же подъёмом раз разбираются социалистическое соревнование и среди молодёжи, работающей в торговой сети.

Забота о человеке — закон социалистического общества. Человек с его интересами и потребностями всегда стоял в центре внимания нашей партии. В этом духе партийный комитет своей молодой рабочей ярлык комсомол.

Накануне сорокалетия образования нашей партии о благе народа явилось постановление Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». Пленум ЦК КПСС вооружил партию и советский народ разразить программой борьбы за дальнейшее развитие социалистического сельского хозяйства, за обильное продовольствие для населения и сырья для лёгкой и пищевой промышленности.

Борьба за крутой подъём всех отраслей земледелия и животноводства — важнейшая общенародная задача. Комсомольцы должны быть первыми помощниками партии в её выполнении.

Комсомольские организации колхозов, МТС, совхозов призваны неустанным помогать партии в осуществлении намеченных планов, мобилизув на это всю сельскую молодёжь.

Будет крепнуть и расти замечательная армия молодых мастеров социалистического сельского хозяйства. Из года в год в селе становится все более молодёжь, отдавшей всем выраженной высокой вырождению урожая, отдавшей свою силу и знания развитию животноводства. Почётным стал труд дюроки, конюхи, свиньи, чайки, птичники. Среди Героев Социалистического Труда немало молодёжи.

Тысячи бывших трактористов МТС, работавших в городе, возвращаются к своей прежней увлекательной деятельности. Тысячи молодых инженеров, агрономов покидают учреждения и уезжают на постоянную работу в машиностроительные станицы.

Все эти факты красноречиво говорят о благотворном воздействии, воспитательной силе Коммунистической партии.

Политика партии является жизненной основой нашего общества. Этой политике безоговорочно верят народ, он следует ей, всплощает её в жизнь. Комсомол — верный проводник политики партии. Вот почему велика и почтёна роль комсомола.

Комсомол и вся советская молодёжь связывают каждый шаг своей жизни с перспективами коммунистической строительства, во всех отраслях народного хозяйства. Комсомол ведёт молодёжь на подвиги в внедрение в жизнь программных начертаний партии.

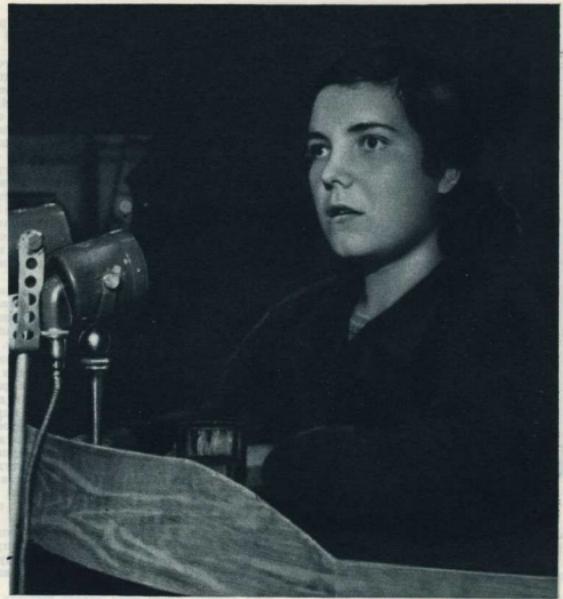
За тридцать пять лет комсомол прошёл славный путь самоутверждения труда, упорного учения, славных подвигов в битвах с врагами.

В день 25-летия ВЛКСМ советские юноши и девушки писали:

Клипинеса побегом мечты своей смелым И венчать сердца молодые силы.
Что парень-матерь словом и делом
В трудах и сражениях судит верны.

Советская молодёжь и вперед навсегда останется верна этому клятве.

В наши дни комсомол, вся советская молодёжь стоит во главе всей демократической молодёжи земного шара. Интернационализм пронизывает всю работу комсомола. Наша молодёжь — передовой отряд свободолюбивой молодёжи мира, ставшей под знамена борьбы за светлое градущее трудового человечества.

Выступает прессовщица Еудония Бородуллина.

ВОЛЯ НАРОДОВ

Есть слово, которое одинаково волнует сотни миллионов людей; есть слово, которое заставляет чаще биться их сердца, а самих людей — быть более активными, зорче.

Мир! Он дорог и англескому угольщику, и венгерскому строителю, и аргентинскому пастуху. Мир — это жизнь, война — это смерть. Мир нужен миллиардам честных людей, война — выгодна кучке империалистов. Но мир — это не идея, не народ, — говорил А. М. Горький, — войну несет народ. Эта истина становится всё яснее и яснее людям разных стран и материков. И они, преисполненные желания обуздить поджигателей войны, гесине сплачиваются под знамёнами сторонников мира.

Вот почему такой жирый отклик получали венгерские решения будапештской сессии Всемирного Совета Мира. Сессия наглядно показала успехи миролюбивых сил, стремящихся сохранить и упрочить мир, ослабить напряжённость международного положения. Собравшиеся на ней представители десятков стран заявили: «Все международные проблемы могут и должны быть урегулированы мирным путём».

«События последних месяцев, — говорится в Декларации, принятой сессией, — привнесли народам убожество, и это может привести к мирному урегулированию всех международных разногласий. Народы просят сознания, что путем настойчивой и упорной борьбы они могут добиться победы мира».

Идеи, которые проникнуты решением сессии, нашли путь к умам и сердцам огромного большинства населения Земли. Всё громче и громче звучит голос народа в защиту мира.

И во главе могучей армии борцов за мир идут советские люди, граждане великого государства, неуклонно проводящего политику мира и дружбы.

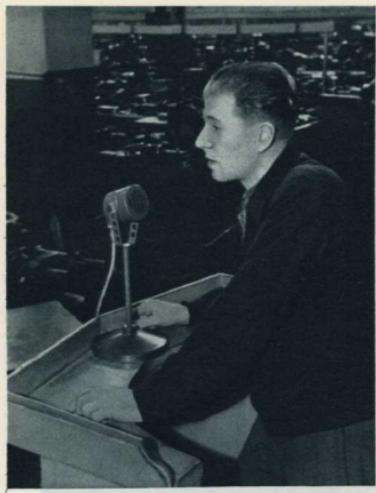
Состоившийся в конце августа пленум Советского комитета защиты мира заявил о своём полном одобрении решений Всемирного Совета Мира.

Советский комитет защиты мира выразил твёрдую уверенность в том, что все советские люди горячо отклинутся на призывы Всемирного Совета Мира с новой энергией и демонстрируют свою неизменную волю к миру, к единству, сплотятся вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, твёрдо и пословательно отстаивая политику мира.

Решение Всемирного Совета Мира и Советского комитета защиты мира активно обсуждаются советскими людьми на предприятиях, в учреждениях, в колхозах. Эти решения повсеместно встречаются единодушным одобрением и поддержкой.

Московский автомобильный завод имени Сталина. Славный многотысячный коллектив этого предприятия успешно труждается над выпуском продукции для нужд народного хозяйства, для удовлетворения потребностей населения. На стражах цехов пятилетки работают мощные четырёхтонные грузовики, сопровождаемые конвойёвками. Порядок этих заводов. По городским улицам и промышленным дорогам курсируют многотонажные комфортабельные «экскурсионные» автобусы. В комах труда движутся грузовые автомобили, выпущенные московским автозаводом, электротехнологичниками с маркой «ЗИС-Москва». С каждым месяцем всё больше и больше этих продукции дают стране автозаводы.

...Вот смолкает шум станков. Над ши-

Выступает инструментальщик Николай Уколов.

реком пролётом первого инструментального цеха поднят красочный транспарант: «Мир победит войну!» Начинается много-людное собрание.

Выступает член Советского комитета защиты мира, лауреат Сталинской премии кадровый работник завода С. В. Даыдов.

— У советского народа, — говорят он, — неустанны и последовательно борющегося за мир, решения Всемирного Совета Мира неминуемо встречают горячее одобрение. Растущий и крепнущий лагерь сторонников мира добился серьёзных успехов. Вместе с тем сторонники мира знают, что агрессивные силы не сложили оружия, что они пытаются и будут пытаться обострить международную обстановку. Наш народ, всё человечество убеждены и настаивают на том, что все международные проблемы можно урегулировать мирным путём.

От имени молодёжи слово берёт телефонщик комсомолец Николай Уколов. Он только что закончил свой рабочий день, в два с половиной раза перевыполнив норму.

— Люди доброй воли, — говорит он, — ещё теснее сплачиваются вокруг священного знамени борьбы за мир. Большим вкладом в дело мира явился союзоподписание немецко-бухарестского мирного договора, а также проходивший в Барселоне III Всемирный конгресс студентов. В ряды молодых борцов за мир каждый день вливается новые отряды молодёжи. Сны войны должны отступить!

На собрании работников прессового и рамного цехов выступила молодая прессыница стахановка Евдокия Бородулина. Езволованно говорит она, выражая

мысли и чувства миллионов юношей и девушек:

— Советская молодёжь, как и весь советский народ, горячо одобряет решения будапештской сессии Всемирного Совета Мира. Мы искренне верим, что путь мирного урегулирования международных проблем — единственно правильный путь. Работая над выполнением заданий пятой пятилетки, мы удвоим свои усилия и выпустим больше продукции. Это будет лучшим вкладом в дело укрепления мира во всём мире.

— Неустанные борцы Советского Союза и всех демократических сил за мир уверились в определёнными успехами, — заявил на митинге в автобусном цехе секретарь бюро ВАКСМ отдела технического контроля Григорий Гршин. — У сотен миллионов трудящихся крепят великая надежда. Но империалисты не унимаются. Пусть знает он, что Советский Союз сегодня крепок, как никогда, и у него достаточно сил, чтобы охладить горячие головы всякой рода авантюристов и провокаторов, если они попытаются посягнуть на безопасность нашей великой социалистической Родины.

Многообразные собрания, посвящённые обсуждению решений пленума Советского комитета защиты мира, прошли на стадионах, в залах «Бориса», «Динамо», «Пролетарский труд», на фабрике «Буревестник», на киевском заводе «Красный экскаватор», на николаевской фабрике «Спартак», на Днепропетровском металлургическом заводе имени Петровского. И везде люди говорили об одном:

— Мир победит войну!

— Ототом мир!

— Все международные проблемы должны быть урегулированы мирным путём. Такова воля народов.

На собрании рабочих и служащих инструментальных цехов Автозавода имени И. В. Сталина. Фото В. Зунина.

О горчаться Коля пошёл в термичку. Людей сюда заходит мало, и под уютной, баскетвий печи можно подумать о неизгадчивой своей жизни.

Только что, перед самым обеденным перерывом, случилась неприятность — посеребрение проежки. Нарезая разобьё, Коля сломал инструмент — метчик. Взял другой — и тоже сломал.

Тут я пришлось побеседовать с мастером...

«Это я-то...», — размышляла Коля, прикорнувшись у печи, — «не умею читать чертежи! Скажешь же такое! Да я как взгляну, — мне всё понятно. Чего он там вспомнился — деталь я вчера не по размеру сделал... Ну, был случай, правильный, так это я повторился, солнце в глаза было, помешало чертёж разобрать. А то — не умею!»

Коля вздохнул. Хорошая была жизнь, едва совсем недавно! Так всё казалось ему просто, когда он пришёл на завод из ремесленного токаря пятого разряда. А пятый не всякому даёт! Значит, накопки и знания и споры. С таким разрядом можно к станку подходить уверенно! И, правда, работал спорадически. Найдя тему, на которой выигрывал, уединялся, уединялся и засыпал на скамье соревнования — обогнать бы не только своих ровесников, а рабочих постарше... И как славно было в тот день, когда набрежно, словно дело обычное, пронзил улыбающейся матери деньги — свой первый заводской заработка!

А потом всё пошло по-другому. Обработавши валик, стоял линейный миллиметр. Размера не проверил и стал обговаривать один с другим. Тот-то, думал, сегодня норму перевыполню! Сразу пятьдесят штук забраковал контролёр.

Потом история с тумбочкой — будь она неладна. Ну, обидно же: у всех тумбочки нормальные, а у его станка старый какое-то, чуть не разваливается. Взял под шумок, да и перешёл из соседнего пролёта, от чужого станка,

тумбочку, а свою туда отбёс. Большой шум был из-за этой тумбочки. Вот, мол, пришёл парень из ремесленного, должен бы порадки знать, а заводской дисциплины не понимает.

«Ладно», — подумал тогда Коля, — виноват, что и говорить. Но я покажу, какие токари приходят из ремесленного: старички за мной не угонятся!»

И Коля отогородился, запоряя дорогу деталью. Вместо похвалы выпал серый разговор на цеховом собрании. Коля, мол, у нас отстающий. Бракоделю растёт... А теперь вот метчик...

— Метчик, метчик... — шептал Коля и незаметно как-то задремал.

Тепло у печи. Так и не услышал, как кончились перерывы, как загудели станки в цехе. Встал и спал. А станок его, умный, послушный станок, помолчав.

Нашли Коля к концу смены. Кто-то наткнулся на него в термичке.

Пятьдесят валиков брака — раз. Тумбочка — два. Метчик — три. Засунул в рабочее время — четыре. Накопилось! Легко понять мастеру,

— Кто-нибудь Рисунки П. Ивановича.

Всё это было ясно, — а о Коле. Самобольной парень. Вот ведь как покрасил от неудалки, от необходимости повиниться. Соображает хорошо, а додумать до конца терпения не хватает. Он с валиком в руках придумал, только предумышленного этого не сущего.

— Ты почему же не спросил у меня разрешения по-своему обработать валик?

— Поскорее хотел сделать, Петр Иванович, показать вам уже готовое.

— Удивить меня вадумал? Ну, давай лучше разберёмся...

Мастер подробно обсудил с Колей всю технологию обработки детали и показал ему, что тут скономить действительно можно, только не две, а одну операцию. Разговор был неторопливый, спокойный. Петр Иванович добивался того, чтобы каждое его слово было понятою до конца.

— И условились: предумышленно что-нибудь, вот так же с тобой обсудим сначала, годится ли, а без моего разрешения не пробуй!

Хорошо, Петр Иванович, обещаю. А я, знаете, хочу выиграть на соревнование ребят смены, где прежде работал. Чувствую, что менио пойдет — третий день уже норму перевыполню.

Мастер удивился:

— Третий день? Экой ты нетерпеливый! Впрочем, вызывай, не возражу, только дейлай это с умом. Обдумай как следует условия.

Мастер пошёл вдоль пролёта. Он пристально смотрел на стапка колесного ремонтника — Вани. Нахмурился, рисяжевые брови. Вани неторопливо снял деталь со станка, вымерил микрометром размеры и со средоточением проверил их по чертежу. Он делал всё не во взрасту стесенно. Тот, кто видел Ваню только за работой, тот, кто не на спортивной площадке, кто не знал его широкой, зоркой улыбки, пожалуй, не поверил бы, что парню всего двадцать лет.

Вани сразу положил обработанную деталь на столик. Задержав её в руках, он лёгким движением пальцев потягивал серебристую сталь. Казалось, ему жажда расстаться с такой добротой, на совесть рабочей вещью.

«Какие они разные!» — подумал Петр Иванович, вспомнив торопливые движения Коли.

Мастер был прав: редко можно встретить рядок двух таких несхожих характеров. Солидность была свойственна Вани и в ремесленном училище. Он пришёл с собой из родного колхоза вместе с твёрдым, ясным жизненным планом: юноша хотел стать токарем и работать на заводе, окончив десятилетку. Потом уйти в институт, выучиться на инженера.

Окончив ремесленное училище и начав работать в цехе, он видел свой план однующим в институте учиться, и уходя с завода. Очень уж увлекательная работа у токарного станка, жаль с ней расставаться.

Завод выпускает станки небольшими партиями. Детали, поступающие на обработку, очень разнообразны: постоянно меняются размеры, допуски, конфигурации, а значит, и технологический процесс. Работы на таком заводе — отличная школа для молодёжи: нужно постоянно думать, учиться.

Когда Коля начал работать у Петра Ивановича, однажды, сам по себе незначительный характер юноши.

Нужно было обработать длинный полый валик. Получив наряд, Коля задумался. Что-то уж очень сложный технологический процесс. Ясно, что две подготовительные операции линии, можно обойтись без них и сократить время обработки. Так он и сделал. А контролёр валик забраковал: стеки получились неравной толщиной.

Коля очень огорчился. Неужели и здесь, у мастера, который так помог ему, вместо стахановской славы он заслужил кличу бракодела! И попал с повинной к Петру Ивановичу. Мастер не рассердился, не накричал. Он

Но любовь к токарной работе, к станку была у него не такой, как у Коли, восхищавшегося волшебной быстротой, с которой заготовка превращается в обработанную деталь. Секунда — и чёрная поверхность металла стала светлой, гладкой. Секунда — и просеребрено отверстие. Скорее взяли следующую заготовку, скорее зажали её в патрон, пустили мотор — и вновь сняли готовую деталь. Ещё один, ещё один побольше, побольше... Нельзя ли увидеть подачу и обороты, нельзя ли склониться операцию?

А Ваня, особенно в первые времена работы на заводе, как будто вовсе не занимал количеством обработанных им деталей. Он готов был и с одной провористыи не целию смену. У него не было той уверенности, с которой сразу начал работать отважный Коля. Первые дни Ваня даже побоялся стакана, быстро слетающей стружки, высоких скоростей, которых так радовали его соседы. Вернее, это было не страх, а своего рода внутренне сопротивление быстроте, связанное с той специальностью характера, с той привычкой к несторопливости, которая была Ване свойственна с детства. К тому же в ремесленном училище он работал на тихоходном станке. А здесь сразу же вместо привычных 400 скорость 1200 обошлась.

У Вани так сильно любили к отлианию сделанной вещи, что ему всякий раз как бы не хотелось расставаться с готовой деталью. Но норму он выполнял не всегда.

Воспитывать его нужно было иначе, чем Колю. Мастер часто давал Ване самую ответственную, чистовую работу, какая поручается токарям седьмого разряда. Есть детали, требующие необычайной аккуратности в обработке. Нужно, скажем, десять операций, чтобы выпустить такую деталь со станка. Малейшая невнимательность — вся работа пропала. Эти детали рабочие называют опасными, и не все любят за них браться. А Ваню хлебом не корми — и тот берётся работать.

Ваня, обогнавший — это мне неинтересно — говорит Ваня... — Вот резьба — другое дело. Настройка станка точная, режим надо выбирать подумать. Малейший промах — и браку не обернешься.

Но мастер подбирая для Вани не только детали, требующие высокой точности обработки. Он намеренно давал ему работу, которая могла вызвать в молодом рабочем интерес к большим скоростям. Пробовал одно, другое. И как раз с резьбой получалось удачно. Пётр Иванович как-то посоветовал Ване взять для резьбы вместо обычного резца твердосплавный. С работой, которая отнимала прежде полчаса, Ваня справился за пять минут. И это неожиданное открытие, возможность, применявши другой инструмент, работать в шесть раз быстрее, занесло его юношу.

Одни раз, достигнув успеха в скоростной работе, он уже с присущей ему основательностью искал случая повторить свой опыт на другой детали, в других условиях.

Он шёл не тем путём, что Коля, который только и думал о том, как бы скратить количество операций или увеличить подачу, обороты. Ваня больше всего увлекалась возможностью резко изменить скорость работы умелым подбором инструмента.

Однажды ему нужно было обработать деталь сложной формы. И как он ни прикладывалась, получалось блине, резец крошился. Приходилось на каждую деталь брать новый инструмент; дело это очень медленно. Тогда он подумал: нельзя ли перенести обработку токарного на фрезерный станок? Если вытащить сквозную фрезу — блине не будет. Ваня спросил мастера — тот разрешил. И вместе двадцати деталей он в один день пропустил тридцать штук.

Так к концу первого года работы Ваня к аккуратности и чистоте отделки каждой операции присоединила плавная окраска работы. Тут присоединилось сошись пути ровесников: Коля тоже увлекся инструментом.

Как-то в них привнесли невиданные рецы. Рабочие собрались вокруг мастера, и, конечно, Коля был тут же. Каждый старался подержать в руках, пощупать яркого цвета пластины. Рассматривали её в общем недоверию. Чудно: минералы резать, метал! Это была новинка советской техники — керамические рецы.

У станка и начальник цеха, и мастера, рабочие. Из-за их спин, поднимаясь на щипчики и вытягивая шеи, заглядывают ученики-ремесленники.

Режет!

Но тут сразу смешки, кто-то махнул рукой и отшёл с презрительным видом:

— Выдохся! Минуты не простоял.

Взяли другой резец, другую деталь. Режет! Прибавили обороты, скорость. Держится! Вторую, третью деталь — но не крошится!

— Здорово! А интересно: твёрдая сталь от берёт?

Рабочие быстро разобрали первую партию рецов и по своей инициативе пробовали их на различных операциях.

Коля просто влюбился в керамический инструмент. Очень уж любопытно снимать им стальную стружку. Какую ни получит заготовку, норовит обработать её новыми рецами. Для него длинные валики большого диаметра. Технологии предупреждали: такую работу и не пропускай керамическим рецами, иначе он не приспособлен. У Коли в обычном инструменте с этими валиками не ладилось. Крошаются рецы, да и только. Всё вибрация губят.

— Попробую-ка, — думает, — всё-таки керамика?

Технологии оказались правы. На первом же валике Коля побывал резец. Надо бы бросить. Но опять одолел его азарт. Была, не была, решал ещё попытаться. Прекрасно он сразу и начал бы обработку. А теперь нет — за год поумел... — стал осторожно примирять режимы станка. Рисковать, думает, надо с толком. И, кажется, нашёл подходящий режим. Обточили валик, второй, третий, пятый... Столик и стальной резец не выдержал бы. Короче говоря, отбочил Коля одиннадцатым режением двенадцать больших валиков. Это был своего рода рекорд. Из Института имени Менделеева приходили. Коля даже немного гордился.

А Ваня в это время тоже работал керамическим резцом. И там, Коля, застал его себя не. Не гордился, скромно пришел к каждой работе. Ваня перегнал его в скорости. Замечая, что керамические рецы легко поддерживали высокую температуру, он увеличил обороты станка и одну деталь изготовил в четыре раза быстрее, чем стальным резцом.

Вот как переменились оба за год. Коля выработал в себе то спокойствие, которое Ваня давалось без труда, научился сжимать свой темперамент. И Ваня ульялся скоростью.

Мастер потирая руки. Нежданно-нагаданно помогли ему новые рецы. Понравились они ребятам, и как раз получилось то, что нужно: сравнялись...

Смена кончилась. Пётр Иванович шёл по заводскому двору. Оставилшись ещё несколько минут до заседания парткома, и он присел на скамейку. Шли к проходящей рабочие. Тут были и лауреаты Сталинской премии, чьи имена знают вся страна, и вчерашние ремесленники, и пожилые мастера. Вот идёт Коля с Ваней, оживленно спорят о чём-то, смеются. Они ровесники завода, только что справляли двадцатилетие.

«Какие разные! — вспомнил Пётр Иванович свою прекрасную думу о юношах. — Большой путь они прошли за год...»

ЛЕТЯТ УТКИ...

Рассказ

Говорят: «С новым годом, с новым счастьем». А в наших краях, где на военных пепелищах выросло столько новых строений, часто можно услышать: «С новым домом, с новым счастьем». Именно там поздравили с новосельем молодые агрономы Глеб Хмелько и Машу Соловьеву, старшего агронома Осипа Антоновича Гуруя и «от имени месткома» комбайнера Колесникова.

Осип Антонович долго осматривал шторки на окнах, цветы, дорожки. И хотя он покидала комнату, говорил добродушно: — Ну, вот и прекрасно. Устроились по-хозяйски! — его накрасиво, с круплыми чертами лица не теряло своего обычного выражения хмурых озабоченности.

Но девушки знали, что Осип Антонович — добрящий душа человек.

— Теперь мне ешё вам поожелать хочется, — продолжал Гуруев, — чтобы вы здесь не засиживались. Я специально для семейных забиронировала к квартире... да, специально. Так что от всей души желаю вам нового переселения.

Он удалился, и лицо его складилось приятным выражением. Вздыхнув, лица Осипа Антоновича заскользил скотер комнаты, Колесников молча подошёл к окну, потрогал створки, обнаружил, что они прикрываются неизменно, и разочаровано приснился.

Пробыв они недолго, минут пятнадцать. Говорила один Гуруев, а Колесников всё ходил по комнате, трогал подоконники, стены и качал головой. Видимо, работа плотницем ему не нравилась.

Гуруев с недолой торжественностью вручил Глебу Хмелько букет цветов, а Колесников — флагом духов — какую-то записку.

Когда они ушли, Глеба поставила цветы в воду, надкусив подруге плаочек, а записку Колесникова девушкам прочла вместе.

Колесников считался лучшим комбайнером МТС. Он уже давно внимательно посмотривал на Глеба. Но во взглядах его порох прокаливалась ядовито-улитковая склонность к тому, что называют «такими случаями». Глеба, как бы не желая оставаться в долгу, старалась подшутить над ним.

В записке Колесникова просил Глеба принести вечером в клуб, чтобы «выяснить отношения».

Маша синувши брови и насмешливо сказала:

— Вот так здорово — «выяснить отношения»! А какие у вас были отношения?

Не нравится мне этот Колесников. Самоуверенный он какой-то... Я тебе не советую идти.

Но Глеба, которую почему-то ветровожи-ла записка, крепко прижал руки к груди и сказал:

— Нет, я пойду! Нам действительно надо объясняться. Ведь я, дура такая, смеялась над ним.

«Когда она вернулась, Маша уже спала. Глеб тоже прилегла на постель, но за-слышав не могла. Она разбудила подругу и

стала рассказывать. Говорила то шёпотом, то громко, и полусонной Маше казалось, что рассказ её не будет конца. Гала говорила о том, какая Колесников оказалася умный и весёлый, как он хорошо поёт. И тут же пропела началь песни, которую услышала от него:

Летят утны
Летят утны и два гусы...

— Не понимаю, чего он нашёл хорошего в этой песне? — недоумевала Гала. — Там есть такие слова «глазки смотрят, а слизи алые». Даже странно...

Маша устало слушала и думала, что у Гали не постоянный характер: она часто кем-нибудь увлекается.

***
Был восхитительный вечер. Гала сидела у окна и смотрела, как за дальнюю меловую гору садилось солнце. На душе было ясно, светло... Может быть, тут многое зависело и от того, что сегодня обещала зайти Колесников.

Гала украдкой отглянулась. Серьёзная Маша сидела за столом с книгой. «Вот я тебе сейчас выведу из раненовской!» — подумала Гала. Она не могла допустить, чтобы сейчас, когда ей так хорошо, кто-то занимался своими обычными делами.

Колесников пришёл в новом чёрном костюме. Как и всегда, к его приходу девушки отнеслись по-разному. Гала оживилась, глаза её засияли, а Маша ещё ниже склонила голову над книжкой. В этот момент она даже сама себе не призналась бы в том, что испытывает нечто похожее на ревность.

Колесников поздоровался и молча присел к столу, высокободый, с упрямо скоженными губами.

Гала торопливо собиралась, а Маша смотрела на неё и с грустью думала, что слова Гурьея оказались пророческими и подружку действительно ожидает новое професиональное.

Гала и Колесников вышли, когда уже стемнело. Направились к клубу.

Весь день нещадно падало солнце. И теперь воздух был неподвижен и сух. Народился месяц, тоненький, бледный. На востоке громоздились тучи, то и дело озарялись вспышками зарини.

Колесников наклонился к Гале, и она увидела близко его глаза.

— Ой, как душно! — сказала Гала.

— Да, погоди... — и Колесников шумно вздохнул. — Сейчас за одну ночь хлеб попспеть может. Знаешь, Гала, я люблю и боюсь этой поры. Вот я иногда думал: уж очень мой профессия похожа на бухгалтерскую. Верно! Ведь сколько на этом поле людей и машин трудились! Армии! Аigkeit подожду я. Чем не бухгалтер?

Только он, если собьется, просмотрит копию, снова перенапечатает на счётах — и пойдёт спать. А я, как потерял зерно, — знаете же все! Не вернёшь. И никто не поможет...

— Ты забылась, что рядом... друзья, — мягко возразила Гала.

— За меня работать станете? — Колесников ласково и чуть насмешливо улыбнулся. — Нет, спасибо. Я уж сам как-нибудь...

Вонь, что Колесников неосторожные слово нарушит её хорошие, спасительное настроение, она быстро сказала:

— Давай споём что-нибудь, а?

— Летят утны... — запели они в два голоса Колесников неторопливо тянул, последние ноты, а Гала спешила, и куплет у неё кончался раньше, чем надо. Но не из злобы, а из любви, а не из злобы. Они пробрались на свои места в переполненном зале. На экране мелькали какие-то надписи, но Гала смотрела только на своего спутника. Неожиданно лента порвалась, а она всё не сводила глаз с Колесникова. Он заметил это, наклонился и тихонько спросил:

— Ты что?

Гала улыбнулась, но промолчала. Снова

заработал киноаппарат. Но тут же раздался треск, и в зале зажгли свет. По рядам проплыла ропот, впереди кто-то затопал.

— Опять обры... — с сердцем проговорила Колесников и поднялась. — Пойду выясню, в чём дело.

Через несколько минут он появился в зале, осмотрел динамики и снова исчез.

Начался кинофильм, Гала сидела скучная. Колесников не возвращался, и она чувствовала себя такой одинокой.

К концу сеанса у Гали даже голова разболелась от обиды. В фойе уже готовились к танцам. Кто-то играл на аккордеоне. В дверях они встретили Колесникова.

— Пришлось помогать киномеханику, — улыбнулся он. — А ты куда?

— А разве тебе не всё равно?

— Всё, Гала, тебе же страшно... — хотел пояснить он, но, задумав тем, что она сама не поняла этого, сказал:

— Брось, Гала, чудить... Пойдём танцевать.

Лицо у него при этом было серьёзное и чуть-чуть угрожающее. Гала хотела сказать, что ей очень обидно, упрекнуть его. Но, кто знает, как надо поступать в подобных случаях? Гала повернулась и... пошла к выходу.

На другой день Гала не нашла Колесникова под кабином, где они ещё до ссоры договорились встретиться.

...И клуба добёссы один звонок, потом другой и третий. Открытие в его окнах гремело.

Но вот послышались быстрые шаги, девушка замерла, насладясь и не веря. Мимо прошмыло двое, о чём-то перегородившись. Гала узнала по голосу Матвея Зыкова, который был штурманом у Колесникова.

— Понимаешь, что вышло, — покосившись ко мне, — Матвей, — в Калиновке на песках подошла пшеница. Мой Колесников и решил вместе с тамошним комбайнером

первый загон распахать. Зори-то холодные. Вот и несу ему телеграфку...

Чувство незаслуженной обиды охватило Галу с новой силой. Разве нельзя было предупредить? Вспомнился случай в клубе. Видимо, Колесников не уважает её. Эта догадка поразила девушку. Щёки её горели, а сердце стучало так, что, казалось, готово было выскочить из груди.

И когда на другой день Зыков привёз записку, которую Колесников набросал на пасхе, передав ему на минуту штурвал, Гала сухо сказала:

— Спасибо. Ответа не будет... — Развернула записку. «Жалко», — но была страшно занята. Всю через две дни.

Конечно, так кратко и нескладно мог написать только неуважающий её человек. «Жалко»... — как-нибудь проживу без этой жалости, — подумала девушка.

Дрожки подхватывала на ухабах. Гала рассеянно смотрела по сторонам. Проблек то сбегал в овраг, то летала среди холмов в подъёмах меловых осыпей. Рядом дремал на сиденье старичок агроном Гурьев, подняв воротник брезентового дождевика.

...Что же получается? — с горечью думала Гала. Она избегает встреч, и, стало быть, страдать полагается Колесникову, она читала, что в подобных случаях бывает именно так. Но почему трудно ей самой? Ведь уж решим забыть Колесникова. Казалось, что же, кроме... Но всё, как нарочно, напоминает о нём. И поля, и холмы, и жаркое море, и стrelоком комбайнов...

Вот уж подняла Гала в разъездах по холмам. Идёт уборка, сев озимых. Надо осматривать и принимать убранные и засеянные участки.

На одном из перекрёстков Гала переда-

да вожжи Гурьеву и спрыгнула на мягкую землю.

— Вы к Сердюкову? — спросил старший агроном. — Я мог бы подъехать вместе с вами...

Сердюков — председатель колхоза «Колос» — любил в разговоре как бы называть себя «старшим агрономом-председателем». В первый день погашения колхоза вопросы Сердюкова заставляли Гаю всплакнуть. Она отвечала только на часть из них. Уезжая, Гаю смыслала, как председатель сказал кому-то довольно громко:

— Вам они, агрономы! Поеху, говорят, посоветоваться с Гурьевым, узнаю... Эдак я сам могу...

Вспомнив всё это, Галя улыбнулась и оттуда:

— Спасибо, Осип Антонович. Теперь спасайся и одна. Мы, кажется, нашли с Сердюковым общий язык.

Гурьев уехал. И опять, перекрывая шум ветра в листьях и щебет хохлатых жаворонков, взлетавших над дорогой, с полей донесся нарастающий стрекот комбайнов.

Думает ли о ней Колесников? И почему ей гораздо труднее с ним, чем с требовательным Сердюковым?

Последнее время Колесникову было не обойтись без его помощника — пакета важного, необходимого зерна. Первые дни после размолвки он старался забыться в работе. Оправдывая себя: подумашь, обделаешь! Он же был занят делами. Но постепенно вырастало сознание собственной вины. Он понял, как много значила для него Галя. Хотелось извиниться перед девушкой, признаться, что ему очень трудно без неё. Он написал второе письмо и порвал его. А дни проходили, и Колесникову стало совсем не-вмоготу.

Однажды приехал старший агроном и долго простоял рядом с ним на штурвальном мостике.

— Грустный ты какой-то... — заметил Гурьев, присматриваясь к Петру, — поделился ведь. Вместе горе разымают.

Его скучающее лицо выражало искреннее сочувствие. И Колесников рассказал всё. Гурьев долго молчал. Потом начал неторопливо...

— Ты у Галины из деревни выпада... В любви, понимаешь ли, тоже нужно чувство ответственности, как и в любви другому важному...

Всё это было очень умно и верно. Старший агроном говорил горячо, с убеждением, стремясь успокоить. Но разговор этот, напротив, только пуще взъевшегося Колесникова. Телер хотелось только одно: повидать Гаю — будь что будет. Он поехал на МТС. Но ни в кинотеатре, ни дома девушки не оказалось. Колесников постонал на крыльце, прислушиваясь к шуму дождя, и уехал на полевой стан.

Подъезжая в сумерках к своему комбайнерию, Колесников увидел, что дождь прошёл, сторона и всё поле сухое. Комбайн работал. Зялки выглянули из-под зонта и помахали руками. Лицо Матвея выражало特有的 любопытство.

Словно видя, что не замечает его вопросительного взгляда, Колесников слез с дрожек и посмотрел на часы. Они показывали десять шесть.

— Кати в село и скажи председателю, чтобы он выдала на ночь две автомашины, — сказала Колесников. — Собираешься? Эта ночь моя. С утра заступаешь ты... Идём, брат, в любовную атаку!

Галя Зыкова засыпала. Молодцовато тряхнув рыжим чубом, он скатился с лесенки.

Колесников поднялся на штурвальный мостик. Стень, озарённая лунным светом, была безлюдна, и тени от облаков, то сливаясь, то расходясь, стащались по пишущим массивам. Но вот вдалеке блеснула огни. По полям соседнего колхоза тоже шёл самоходный комбайн. Потом появился другой отошёл, третий, и Колесников понял, как обманчиво это ночное безлюдье. Он был не один.

Галя под вечер возвращалась из колхоза. Поле, возле которого она вчера рассталась с Гурьевым, было уже наполовину скосено. По стерне деловито бродили голенастые грачи.

Самоходный комбайн стоял с выкаченными моторами на середине очередного загона. На штурвальном мостике лежал флагжак. Глазно сердце учтивенно забилось: такой флагжак мог быть только у Колесникова. Возле комбайна как будто никого не было. Только девичий голос пела:

Летят утки.
Летят утки
И два гуся.
Эх, много люблю.
Кого люблю.
Не дошути...

«Что за концерт в неурочное время? — удивлялась Галя. — И откуда тут взялась девушки? Надо бы ускорить шаг, пройти мимо, не оглянуться... Но знакомая песня, точно заворожила, не отпускала, звала.

Ругая себя за слабохарактерность, Галя подошла ближе и увидела Зыкова.

Копаясь в моторе, штурвальный старатель выводил тоненький голоском альбумную песню своего старшего, как он называл, Илью Чапкина.

Галя облегченно вздохнула. А она-то вообразила нынче чтото! Ей стало беспричинно весело.

— Здравствуй, Зыков! — крикнула она, повернувшись и побежала напрямик по золотистой стерне к кордге, ведущей на МТС. Она почему-то прониклась уверенностью, что Колесников сейчас ждёт её возле дома. И была приятна и радости власти этого непонятной песни, которая подхватила её и повела к Петру. А Матвея долго с недоумением смотрел ей вслед.

Когда Галя подошла к своему дому, уже стемнело. Только на западе багровела узкая полоска зари.

Ни в палисаднике, ни в комнате никого не было. На столе лежала записка: «Пиши-пиши наших лучших комбайнеров уезжают сегодня в северные области помогать собирать урожай. Прощу тебя быть на вокзале Маша».

Галя от волнения никак не могла разглядеть в толпе Колесникова: весь персонаж сиял в одно пестрое колышающееся пятно. Но вот кто-то, как ей показалось, негромко произнёс её имя, зов повторился, с настойчивостью. Девушка обернулась и увидела Колесникова. Не замечая, что растягивает губы, Галя устремилась к нему навстречу.

Пришла, — только и смог произнести Галя.

Галя взяла его за руку.

— Чо ж ты не сказал?.. Спасибо, Маша написала...

— Я хоте... знаешь, ведь я тебе очень... искала тогда... — он наклонился и прыжком прижал её щёки к своей щеке. — Ты обиделась. Прости.

— Я уже давно простила... Но вот... Уезжаш. Ты все пел «слёзы льются, слёзы льются...» — и накинул раззаку, — грустно улыбнулась Галя.

— Мы скоро вернёмся!

— Ох, как я буду скучать!.. Скорее возвращайся... — Но тут отчужденно загудел паровоз, и Колесников не разబрал конца ее фразы. А потом подошла Гурьев, подсновивший в самый последний момент.

— Желаю тебе, Пётр Ильич, всего наилучшего, — сказала он торжественно. — Пиши. И не беспокойся за Машу Дмитриевну. Мы с ней в общедоме живём.

Состав тронулся. Колесников гордо встал всеми руками и, звякнув медалями, вскочил на подножку.

Одни за других промелькнули накрытые брезентом комбайны. И Галя вспомнила, что когда-то, много лет назад, ещё школьницей, она вот с этой же станции провожала отца на фронт. Бежали перед глазами платформы, и на них стояли пушки в бронзовых чехлах. А вот теперь их место заняли комбайны. Но вид у них был такой же впечатляющий, как у орудий, и люди с надеждой провожали их вперёд!

Поезд исчез за поворотом. Сразу стало тепло-тихо. Только ветер шумел в густой хвои снегозадерживающей посадки за полотном. И Галя подумала, что он так же будет шуметь и в тот день, когда Колесников вернётся.

Вот видишь, как это делается!

Фото Г. Борисова

Секретарь комсомольской организации Института физиологии имени И. П. Павлова Людмила Данилова в операционной.

Фото Я. Халипа.

С НОВОЙ НЕФТЬЮ

Телефонный звонок разбудил Аллаярова во втором часу ночи. И когда он подбежал к трубке, то из всего сказанного рассыпался только страшное слово — «авария». На буровой авария!

Город спал. На снегу качалась свет фонарей, где-то хлопал оторвавшийся ставень. Аллаяров долго простоял на перекрёстке, ожидая поспешной машины. Потом пришлое еще и пешком и здесь, на голом просторе, ветер был особенно силен.

Всё же он не представлял себе размеров аварии: «Наверное, обломилась шаровая», — думал он, вспомнив наиболее вероятное и стараясь не думать о худшем. — Придётся магнитом вырывать! И он уже стал подсчитывать с досадой, сколько уйдёт на это времени.

На буровой его встретила нехорошая, наизнанку тишина. И лица рабочих были растерянные, виноватые. Случилось то, чего он даже не предполагал, — бурильщик уронил долото в забой. Тенера он лежал на дне скважины, на глубине шестистот метров, огромного, тяжёлого, попробуй извлеки его оттуда.

С побледневшим до желтизны лицом Аллаяров медленно подошёл к бурильщику; тут только на секунду полия глаза и опять опустили их. Уж хуже того, что он сейчас сам о себе думал, ничего нельзя было сказать. Это сдержало Аллаярова.

Три дня Аллаяров работал буровым мастером, сдавал досрочно все скважины, экономил сотни тысяч рублей. Он уже подумывал о рекордной скорости бурения, когда ему поручили вот эту бригаду — все вчерашние ремесленники.

— Ох, глубинё ты с ними горя! — говорили мастера, глядя, как новая аллаяровская бригада штурмом берёт в автобусе места поближе к окнам.

Однако же за арматурой он мысленно перебирал её сейчас в памяти. И вспомнился ему ещё один паренёк лет шестнадцати, в кепке с захватанными маслеными пальцами козырьком, в сапожках — голенища отбрынули белой подкладкой наружу — человек независимый, чумазый, в расстёгнутой куртке — таким Ричард Аллаяров пришёл в бригаду Бочкарёва. Сколько это лет назад было? Восемь? Аллаяров вспомнил себя в ту пору и только вздохнул. А ведь вышел из того паренка и бурильщик нещёхол и буровым мастером со временем стал! И даже хотел уже потягаться со своим бывшим учителем Бочкарёвым, как случилось быть вот эта авария.

Но всё же всё прошедшее сейчас не показалось ему таким безнадёжным. «Что же, ребята молодые», — думал он.

Помощник Аллаярова привнес неожиданно. Естественно, бригаду встретили шумно. — Здорово, ребята! — приветствовали их. И машины, засвистев, проплыли предупреджади:

— Не трохи! Знаешь, коли веэшь сегодня? То-то! Веэя, как молоко веэя?

До буровой поднялась едом; ребятам же эти полчаса показались годом. Они сидели красивые, не глядя друг на друга.

Выходной день двое из них пошли в клуб; вернувшись, рассказали:

— Смеются над нами. На всех буровых теперь смеются. Что мы им, цирк?

— И будут смеяться, — сказал Аллаяров. Этн дни мастер вёл себя исконично, словно ничего не случилось. Уж лучше бы ругалась, что ли... Будут смеяться, — повторил он.

Самолюбивы! Где сущу, где карманы ватника; с видом, словно всё это его не касается, start разглядывать вершину горы — там, точно лисий хвост, метался на ветру

огонь факела. Баймухаметов посматривал исподлобья; глаза тёмные, горячие. Подошёл саслар Мифтахов. У этого грудь, плечи, руки мотоботы; а во взгляде что-то наизнанку детское. Он покачал головой, почмокал толстыми губами.

— Зачем так делать? Мы с мастером до этого три года работали, ускорение давали, премию получали. Теперь в прежней нашей бригаде Бочкарёв буровый мастер, премию получает Некорон.

Аллаяров остановил его:

— Подожди, Магдан. О той бригаде вспоминать нечего: вот наша бригада. Скажу я так: плохо мы работаем, не умеем работать. У Титова лицо скучающее. Ему всякие наставления — нож острый. Аллаяров смотрит на него и говорит:

— Я предлагаю вызвать бригаду Бочкарёва на соревнование.

Мгновенно от сонного выражения на лице Титова и следа не осталось: вот такой разговор ему по душе. Сразу же заинтересовался заслуженный мастер. Но него накрутилось все сразу. Аллаяров выжал, пока пока поутки немного, и предупредил:

— Но что работать! Чтоб слова «трудно» было на буровой. Кому не по силам, отходит сразу! — повторил Баймухаметов и повернулся к бригаде. И такой у него был воинственный вид, что многие даже заумбрались.

С этого дня бригада начала одновременно работать и учиться. По десять раз кряду Мифтахов разбирал насосы, пока все не научились. И вдруг Аллаяров, собравшиеся так же быстро и точно, как хороший солдат собирает винтовку.

Как-то раз опоздал на вахту буровой рабочий. Аллаяров встретил его с часами в руке.

— Отдохни, слушай, — сказал он. — Тебе трудно рано вставать, езжай домой, спи.

— Так я ж ведь...

Но Аллаяров, не глядя, словно того уже не было здесь, проплыл мимо. На вахту бурой бригады прибыл Титов. Тенера члены дежурства вахты стали как бы часами практическим занятия. На них оставались все, кто чувствовал себя слабым. И частенько это выпадало на долю бурильщика Титова. Бралися он горячо, но работал неровно, скакками, к концу вахты Аллаяров обычно говорил:

— Останься, посмотришь, как Баймухаметов работает.

Титов легче целиком вторую вахту отстоять, чем спорить с мастером. И, скрывая неловкость, он всякий раз встречал Баймухаметова шутками:

— Здорово, Баймухаметч! Говорят, ты опять запарился. Не волчий, выдумич. Вот мастер нас прислав.

Баймухаметов кивал круглой головой:

— Помоги, помоги. Вот спасибо!

Метр за метром приближалась к нефти. И с каждым днём работы в бригаде становились веселее. А молодые делились первыми и вторыми по крупицам, смеялись в конструкциях ёмкостей, как в телеграфных проводах, госклико, по-зимнему. И, грехи, Титов толкал плечом своего дружка Баймухаметова:

— Оказывается, можем. Ай да мы! А ты, Баймухаметч, всё сомневался.

— Зачем сомневался? — сердился Баймухаметов. — Зачем лишнее говоришь?

— То-то, что говоришь! Ещё не хуже других можем.

Вскоре все узнали, что комсомольская бригада Аллаярова закончила бурение на шесть дней раньше срока.

На буровой мастера Р. Аллаярова.

Те же люди пересажали с Аллаяровым на новую буровую, но это уже была крепкая бригада, с именем и со своей гордостью: на её счету появилась досорочно пробуренная скважина, и не беда, что пока только ещё первая.

***

Было душно. Инженер Евстигнеев вытер платком вспотевшую шею, оглянулся по сторонам.

— Не дадут нам поговорить.

Из дверей зала всё валил народ, люди на ходу присматривали, разговаривали. Вот прошёл буровой мастер Бочкарёв. Ряди торжественного случая он надел свой мундир нефтяника и словно лет пять с плем сбросил: подбористый, молодцеватый — знай наших! Увидев Евстигнеева, с достоинством склонил: «Константина Никитича!..»

Окружённые буровиками, прошёл мастер Усов. Несколько месяцев назад он по предложению инженера Евстигнеева применил для промывки воды вместо глинистого раствора и пробурил скважину в Башкирии с рекордной скоростью. Во всё время совещания буровики ни на минуту не оставляли его одногодка, распрашивали, записывали. Не привыкший к такому всеобщему вниманию, Усов имел вид смущённый, несколько даже растерянный.

Как и предполагал Евстигнеев, его тут же окликнули. И ёще кто-то пробирался к нему, издали махах рукой.

— Поплыли вон туда, — сказал инженер и быстро ушёл Аллаяров в дальний конец коридора.

Здесь они закурили; Аллаяров достал записную книжку и сразу же, не теряя времени, стал записывать. Этот момент оба они, темноволосые худощавые, были похожи друг на друга: одинаковыми энергичным выражением лиц, живым блеском глаз. Много было общего и в их биографиях. Они пошли однодолгодки. Самостоятельную жизнь начали в трудное время, в юности. К двадцати пяти годам Аллаяров со своими комсомольцами уже завоевал звание лучшей буровой бригады в нефтяной промышленности. В двадцать шесть лет Евстигнеев, став главным инженером первого контура треста «Туймазабуреннефть», применяя новую технологию, опрокинувшую прежние представления о скоростях проходки скважин.

Десятилетиями считалось, что бурить можно только на глинистом растворе высокого качества. Инженер, первым предложившим промывать скважину раствором глины, обес печил победу вращательного бурения над ударным. Отпала необходимость чистить забой «ложкой» — не столько бурить, сколько чистить. Одновременно с бурением глинистый раствор, как хороший иносказчик, подымал на поверхность измельчённую породу. И вскрылось ещё одно качество раствора — он штукатурит стены скважины, предохраняя их от осыпаний. Со временем им же стали приводить в движение турбобур. Казалось, глинистый раствор незаменим.

Но вот Евстигнеев стал промывать скважины водой, обыкновенной водой, столько лет считавшейся злым врагом бурения. Да, вода не обладала вязкостью. Но именно поэтому она быстрее циркулировала, быстрее вращала турбобур и на обратном пути сильной струйой выносила породу ничуть не хуже глинистого раствора. Вода не штукатурила стенок скважины, но, привыкшие, боялись обвалов.

Четыре скважины Евстигнеев под свою ответственность пробурил на воде, достигнув в бригаде Усова рекордной скорости. Аллаяров был из первых, кто в соседней котре бурения подхватил его смелую мысль. Теперьшло совещание буровиков «Второго Баку»: новая технология причино внеслась в производство...

— Так вот, Константин Никитич... Аллаяров перелистал страницы... — Бурли мы эти скважины не воде в зимних условиях. Результаты... неплохие.

Жмурия глаз от дыма папиросы, Евстигнеев еще некоторое время проверял расчеты.

Рубашка наростом, Евстигнеев ещё увеличивал, — сказал он. И отстёгнувшись перенес поближе: ручной торт сократился.

Он взял умбильцию, на смуглом лице вспыхнул блеск белые, розовые зубы: скобу с весёлым любопытством взглянул на Аллаярова:

— Значит, нашими же методами и нас же бить? Хороши, ничего сказать!

— А как же! — в том ему ответил Аллаяров. — Вот Бочкарёв лить мену учил, старался, передавал свой опыт, а мы в благодарность за это взяли, да и обогнали его бригаду.

Перерыв уже кончился, быстро пустят коридоры. Евстигнеев и Аллаяров проходят в зал, садятся рядом и некоторое время ещё разговаривают шёпотом.

***

Бочкарёв шёл по буровой солидно, не торопясь, как и полагается человеку, приехавшему проверять обязательства. Весь вид его, казалось, говорил: «Нам ничего показывать не надо, мы все самим посмотрим, узнаем».

На буровой стоял тот весёлый, сложенный в рак, какого бывает, когда люди, умеющие и любящие работать, хотят как бы удивить гостей. И наставленному глазу Бочкарёвым из лука всегда слово сказывало, что бригада у Аллаярова дружная, знающая, что такая сумасшедшая постыдка несётся за себя постыдить. Второй год они соревновались, и за это время комсомольцы, славаясь всеми скважинами доскорчно, склоняли страну большими полугодами миллионов рублей, проочно завоевав место на доске почёта.

Бочкарёв подошёл к отработанным долотам. Они лежали на земле, частью уже поржавевшие, выплюнившие свойruk. У иных зубья были начисто срезаны, словно они делались из крепчайшей стали, а из олова. И вид отработанных долот опять многое сказал Бочкарёв. По ним он безупречно определил, что за бурильщиками у Аллаярова, как они чувствуют пласт. Целый километр труб приходит-вытаптывать на поверхность, развиваешь, снова свинчивать, снова опускать, чтобы, заменив долото, пробурить им каких-нибудь восемь-надцать метров. Только опытный бурильщик,

хорошо чувствующий пласт, сумеет, не снижая скорости, вот так, до последней степени, отработать долото.

— Каждым метром по двадцать пять проходишь? — спрашивал Бочкарёв.

— Угадали, Яков Зиновьевич. Они смотрят друг на друга. В глазах Бочкарёва, об骢ившего в этот момент всю официальность, вспыхивали и гасли весёлые искорки. Он вдруг толкнул Аллаярова в бок:

— А помнишь, как обжаловал на меня?

Это говорилось уже с гордостью. Что ж, Бочкарёв может гордиться своим учеником. На минуту оба мыслью переносятся в то время, когда Аллаяров только-только из ремесленного училища попал в бригаду Бочкарёва. И многое, накрепко связавшее их, вспоминается сейчас обоям.

— Я ешё тогда знал, — тихо и доверительно говорил Бочкарёв.

Они продолжают путь по буровой...

Потом, когда дела были закончены, они вместе сидели на взгорье, у куста орешника. С гор медленно сползли с горы облака и лес то хмурился, то мягко освещался солнцем. Захло в нём пагорбы ландшафт, а почты у сальных ног цвели большие, похожие на колокольчики белые цветы.

— Знает, на рекорд идёшь? — спросил Бочкарёв, как будто подводя итог своим наблюдениям.

Аллаяров сказал по-деловому, просто:

— Гайдулдин в Татарии для тысячу пятьсот сорок пять метров на станок в месяц. Думаем, перекрыть можно.

— Можно перекрыть, — подтвердил Бочкарёв.

Тогда Аллаяров достал блокнот:

— Вот смотрите, Яков Зиновьевич. Третью скважину бурим на воде вместо глинистого раствора, и смотрите, как скорость проходки растёт...

...Буровая была самая обычная. Её бурили на обычном серийном оборудовании Уралмашзавода, и вначале было обязательство дать полтысячи метров в месяц на станок. Но, говорят, appetit приходит в времена. И девонскую скважину глубиной в 1 653 метра комсомольская бригада, руководимая Евстигнеевым, заканчивала уже на двадцать пять метров.

Последние метры Аллаяров добирал сам. Уже лоджии до нефтеносного пласта, уже вскрыли его. И когда подняли лаверды из породы, камень, хрипливый студень, наавала гла скрытых от солнца слоёй, ожидал. Темно-коричневый, почти чёрный, он дышал мелчайшими пузырьками газа и нефти.

Вот она, нефть!

Впервые за эти дни было тихо на буровой. Так тихо, что стали слышны дальние звуки: и птички высиживают в молодом бересклете и по-комариному тонко запывывают мотора; где-то за горой грузовик с усилием брал подъём.

И в этой тишине, гляди, как по столбнику породы, ёщё мокрому от воды, всё шире расплываются радужные пятна нефти, Аллаяров, чуть побледнев, сказал обычные и всегда торжественные слова, завершающие труд бурильщиков:

— С новой нефтью!

Иван РЯДЧЕНКО

ГАРПУНЕР

Худощавый, небольшого роста, он стоит подолгу у цветов. Поглядишь — и не поверишь просто, что перед тобой «гроза китов».

Заклинился на ветру полярным дальними путешествиями ветеран. Вынужден считаться с этим парнем даже вероломный океан.

Все его повадки и замашки знает китобой не первый год... В белых брюках,

в шёлковой рубашке гарпунier по городу идет.

Новый дом увидел возле рынка. Листья в парке начинают таять. Каждый камень, каждую травинку хочется в душе запечатлеть.

Скорее он услышит штурмов грехот, скоро китобой скнова в путь в те края, где ось земли потрогать можно, если руку протянуть.

Д. СМИРНОВ

НА БЕРЕГАХ СЕСТРЫ

ФОТО Я. Халипа.

Причудливо петляя, река Сестра разделяет город на две части. Она огибает Киров с севера и плавно уходит в южную Дубну. Воды Сестры не льются по правому берегу Сестры, против корпуса завода «Лаборатория», начинавших земли сельхозартели «Правда». Между сплошудуваньем и непониманием, между землей и водой, Уже три года коллектив заводы шефствует над колхозом «Правда». Заводские пропагандисты, участники сплошудувания земли, вспаханной Родины, помогают в ремонте колхозного инвентаря, машин.

Рано утром у заводоуправления собралась молодежь. Сегодня сюда пришло более ста девушки и юношей. Они садятся на машины, въезжают в зародина деревни склонный утренний ветер ударяет в лицо. Машины выходят на асфальтированное шоссе. Город остаётся позади. Справа и слева — земли, простирающиеся на многие километры.

Вдалене на дороге появляется автомотоцикл. — «Красавинъ» объезжает поля — приговариваясь, говорит Виктор Никитин Петухов, секретарь партбюро завода, живой, общительный человек.

— Ну да, он — искрится, поправляя растрепавшиеся волосы Симы Манарова. В руках у него барабан.

— Естественно, девчонки, заместителя председателя колхоза песней, пусть потом не жалуется, что не уделили ему внимания...

«Хороши веселые в саду цветочки...» — подпевают над полями.

Петухов широко улыбается, подъезжая к машинам, Красавину.

К нему подходит Петухов и Нина Башилова, секретарь комитета комсомола земли.

— Помогите председателю собирать выбирать не будем... шутят Виктор Никитич. Так посвещаемся, куда направить людей...

В саду «Правды» это подиум вышла девушка в пестром платье. Это Лиза Нестерова, ученик и комиссар колхоза. Она была в белавинской бригаде.

— Вот истина! Как в Белавине? — спрашивает Красавин.

— Всё в порядке. Идет уборка картофеля. Надо бы помочь закончить работу на распаханном участке.

— Кто хочет помочь убирать картофель?

Поднимается несколько рук.

— Ну и отлично!

Машины направляются дальше.

Яблоневые сады, занимающие более 17 гектаров, весной буйно цветут. Осеню они ложатся от плодов. Колхозники подчас не успевают за ними ухаживать, и часть урожая пропадает.

В мае этого года комсомольцы завода «Лаборатория» решили шефствовать над садами. Они ежедневно в течение двух недель поднимались в сады, вывозили в колхоз «Правда», Юрий и другие, очищали 485 яблонь, 200 кустов посадили вновь. Кроме того посажены сотни кустов смородины, прополоты десятки гектаров огорода.

Эту инициативу поддержал горюм ВЛКСМ. Посадками садов занялись и в колхозах имени Степана Разина и «Новый мир».

Сейчас пущаются молодые сады во многих колхозах.

В садах «Правды» идет уборка урожая. Термометристки завода Лисса Струльба и Раиль Раннова помогают колхозникам. Корзинки быстро наполняются яблоками. Девушки относят их. Комсомолки уже собрали по 15 пудов яблок. Здесь антоновка, белый налив, коричневые...

На полях копают картофель. В этом году он крупный. Каждая картофелина здесь умещается на ладони. Неутомима комсомолка Раиса Шишагина.

Ловко работают её руки. Корзина за корзиной наполняется картофелем.

Молодец девушка! — говорит колхозники о Раисе. — Работа кипит у неё в руках.

Так проворно Шишагина работает на полях здесь, она одна из лучших учениц цеха токарей завода Раиса обладает мастерской производственной операции. Манипуляции терминатором хранят и точный прибор. Быстро моментом при его изготовлении является спайка цилиндра с капилляром. Долго девушка присматривалась, как это делают опытные рабочие. Вначале получился брак. Но комсомолка гордялась желаниями схватить мастерство столяра-термометриста. Настойчивость, упорство помогли добиться успеха.

Рука орудия с Раисой работает и учится более ста девушек. Сегодня многое из того, что раньше было делали только мужчины, делают колхозницы.

К работающим подходит Нина Башкирова.

— Пер-ре-рымы! — громко объявляет она. — Девушки, пошли со мной!

И все шумной толпой направляются туда, где у них собирается митинг.

Здесь на полях района проходит первенство областного комитета Клинского горномашиностроения ВЛКСМ Деркачёв, Виктор Иванович Петухов и председатель колхоза Агафья Григорьевна Тимофеева. Они недавно вернулись с пятой сессии Верховного Совета СССР. Агафья Григорьевна — депутат. Колхоз «Прибой» заслужил звание лучшего колхоза района.

— Недавно в колхозе достроен бетонированый смотный двор для 135 коров. В нём всё механизировано. Захочет корова пить, находит мордой болванку и выпивает из крана — сразу же пополнена влагой.

Поднимают лесные разводы, колхозники вытесняют облегчено труд дровок.

С каждой весной расширяется овощное хозяйство. Одних помидоров недавно снято более 200 центнеров с гектара.

Гордится колхозники районом. Сейчас в нём 97 чернобыльных лис. Ежегодно поступают до 70—80 тысяч рублей дохода. В этом году будет выручено более 100 тысяч рублей.

Улучшается материальная база колхоза. Собираются в запасы зерновые культуры, овощи, фрукты. Сегодня колхозники получают на трудине около полутора килограммов зерна, до десяти килограммов картофеля, свыше трёх килограммов овощей и по полтора рубля дневных гонораров.

Всё это, знаменое и близное, как-то по-новому представилось Агафье Григорьевне, когда она начала говорить:

— В августе я участвовала в работе пятой сессии Верховного Совета СССР. Сессии принятые законы о бюджете и смето-бюджетном отчёте.

В этих законах мы колхозники видим выражение наших производственных и Коммунистической партии о развитии народного хозяйства, об удовлетворении наших материальных и культурных запросов...

За цифрами государственные функции видят новые заводы, комбинаты, научные институты, пособные машины, школы и институты. Поднимая свой депутатский мандат, я голосовала за развитие строительства, за усиление электрификации и машинизации труда, за широкое промышленное строительство.

Прошло несколько недель... — продолжает Агафья Григорьевна... — и мы узнали о новом проводимой заботы нашей родной Коммунистической партии о труженниках села. Пленум ЦК КПСС принял постановление по долгу времени С. Кручинину «О дальнейшем совершенствовании хозяйства СССР». Это постановление освещает пути к короткому подъёму всей нашей колхозной жизни. Колхозы и совхозы получат новые машины, которые выше всяких обличий на труду. Прибудут знаменитые специализированные рабочие. Мы вижим, как впереди нас ждет прозрение, некоторые колхозы и МТС. Появится оплата труда каждого работника.

А. Г. Тимофеева говорит о том облегчении, которое получили колхозники. Эта помощь снизила нормы обязательных поставок с личного хозяйства. Повсеместно заготовляются зерновые, мясо, молоко, овощи и фрукты, которые продают колхозники государству. Большие льготы получают семьи военнослужащих и инвалидов Отечественной войны. Уже сейчас колхозники покупают коров, овцы укрепляют свой личный хозяйствство.

— Мы от всей души одобляем постановление Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, — заканчивает она. Молодёжь гордится этим.

Председатель колхоза благодарит молодёжь завода «Лаборатория» за щедрую помощь и вручает почетные грамоты, которыми МК ВЛКСМ награждает тех, кто заслужил заслуги участника в соревновании посадки садов. К Агафье Григорьевне и её единомышленникам вручены посадки саженцев. Первый получает грамоту Раиса Шишагина. Она, волнуясь, произносит слова благодарности. Ниже Башкирову приходится выхорить дважды. Она только получила свою персональную грамоту, а сейчас ей, как секретарю комитета ВЛКСМ, вручается грамота, которой награждена вся комсомольская организация.

Бесной, летом и осенью на полях колхоза работают десятки машин тракторы, комбайны, сеялки, насосы...

Труд колхозников облегчается с каждым годом. Хорошо работает на уборке богатого урожая комбайнёр Урусов. Он быстро и без потерь убирает хлеба.

Приезд делегации из Краснодара. Вместе с бригадиром Голубковым и слесарем Ефимурским тщательно осматривает комбайн.

Жизнь колхоза находит отражение в стенной печати.

На террасе управления расположены ласк и деревянные скамьи.

— Но как готовят? — говорит комиссар Лиза Несторов.

— Вот деревенскую карнавалную, — отвечает комиссар Солдатова, — и можно будет вымешивать.

В очередном номере газеты «За социальный урожай» публикуют разнообразные заметки. В одних отмечены перводни колхозного труда, в других одно высмеяны лодыри. Во карнавалу за номером «Макары» несутся. Часто вместо того, чтобы работать в колхозе, он без ведома правления начинается играть кримсы.

Это не прошло незамеченным газеты.

Под коминной крышей подпись, высмеивающая прокуратора:

«Я хотел бы работать поменяшее

И побольше бы получать...»

Тут же выпускаются боевой листок «Сигналы» и сатирическое приложение к газете «Нородник».

— Документы в порядке, воскликнула Фаня Бушарова. — Я придумала. Давайте его изобразим беседующими с курицами.

— Здорово!

— Рисуй!

В «Красодоне» появляется карикатура на заместителя председателя колхоза, который обещал за лето отстроить курятник. Но наступили холода, и курятник висит на крыше.

У всех есть работа. С кисточкой в руке склонилась над листами Фаня Бушарова. Редактирует заметку Люся Струнин. Печатает комиксы в газете в саду. Теперь решила помочь радиолегии. Над подготовкой номера трудится стеклодувы Валя Маркина и Люся Еленышева.

На другой день колхозные колхозы приехали на завод. Переходя из цеха в цех, девушки и юноши знакомились с производством. Они многое узнали. И о том, как варится стекло в огромных печах, и о том, как из стекла вытягиваются до 90 тонн массы, и как из жидкого стекла вытягиваются длинные трубки, из которых делают пробирки и отправляются в другие цехи и как из этих трубок делаются пробирки, мензурочки, стаканы и другие химические физиологические пробирки.

— В нашем цехе, — говорят комиссары, — Зоя Мозгова — изготовляются пробирки. Здорово, что машины полностью механизированы.

И колхозники наблюдают, как «умная» машина, передвигая одну трубку за другую, делает наизусть на две. Потом на газовых горелках идет тщательная обработка дношки и бортини.

— Наши колхозники, — смеется Клава Федосеева, Лиза Монсеева и другие, — рассказывает Зоя, — за смену изготавливают на двух машинах до восемнадцати тысяч пробирок. А года четыре назад, когда все делалось вручную, —

Завод «Лабораторий институтов и предприятий».

Совсем недавно коллегиент завода выполнял заказы для лабораторий новых зданий МГУ имени М. В. Ломоносова.

На окраине города Клина расположена тенистый лиственный сад. Фасадом в него выходит двухэтажное здание. Это Дом-музей П. И. Чайковского. Сегодня сюда пришла молодёжь колхоза «Правда» и завода «Лабораторий институтов и предприятий». Музей рассказал о собранных главным образом в селе Домом-музее племени кочевников Южного Давыдова.

Осмотр закончился. Юноши и девушки заходят в зал, где исполняются произведения П. И. Чайковского.

Сынок просит отнести свою подругу Эмилию Хохринову.

Хохрикова садится за рояль. Она играет «Времена года» Чайковского. Выходя из Дома-музея, друзья направляются по улице Чайковского к центру города, а оттуда — за город. На мосту через Сестру они прощаются до новой скорой встречи.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Рисунки В. Орлова.

Дом в три окна. Отцовское наследство,
Где сто семейных фото в уголке,
Где, как конверт с большим письмом
из детства,

Бумажный змей лежит на чердаке.
Там то и дело раздавалось: «Спорим!»
Там не один был марш весёлый спет...
А в полуутёкшем узком коридоре
Я вдруг увидел свой велосипед.

Сказала мать: «Приедет брат... Чем свет
Опять начнётся бешеная гонка!
Куда-то ездят. Думаю, девчонка».
А я смотрел на свой велосипед.

Он на крюке, ёщё отцом забытому,
Висел в тени, видим от света дня.
И чёмто юный вдруг, полузабытым,
Полусмешанным пахнуло на меня.

...Я в ту весну сдавал, забыв о трайках.
Стихи забросил. Всё стыдно шло.
Я отвечал уверенно и бойко,
А на немецком мне не повезло.

А лето было жаркое на диво,
Сгнило город к озеру оно.
Июнь то раскашал нашу иву,
То воробьём присядет на окно.

То, шапки одуванчиков пущистых
Пустив на ветер вдоль по городбе,
На книжный лист десати парашютистов
Засбросил, чтоб напомнить о себе.

И я однажды, плюнув на экзамены,
Под окрик мамин выбежала во двор,
И, как споткнувшись, у калитки замер,
И потеряла спокойствие с тех пор.

Вернулся в дом. А сердце следом, следом
За ней, за ней... Учебник я листал,
А сердце шёл. И вот с велосипедом
Бывать на улице одной я стал.

Так разогнала я свой велосипед,
Чтоб, чуть языль в тени её квартала,
Она меня лихого увидела
И поразилась. Ну, а если нет,

То чтоб на всём разгоне этом скром
В одно сливались щёки меж досок
И сквозь волну летящего забора
Бё в саду я вдруг увидеть мог.

И удавалось. Ветки задевая
Пахучих жарких лил, глаза кося,
Вдруг ухватить, как средь цветного разя
Она идёт, сама цветная вся.

Тот сарафан горел, мелькал в метеле
Цветов, кустов, скрипкой. В высоту
Взделят гамак, с ног тапочки летели,
И платье трепетало на свету.

Она жила, меня не замечая,
В тени читала. Может быть, стихи...
А я послался рядом, кур путая
И загоняя кошек в лоухи.

И вот её отец не ради шутки,
Сказал однажды дочери: «Заметь,
В глазах мальчика что-то третья сутки.
Лишь на ограду стоит поглядеть.

Что там за парень на велосипеде,
Как опшалый, мечется с утра?
Да вот, смотри, опять он мимо едет!
Взгляды, Альдикла, выйди со двора».

Я разговора этого не слышал,
А просто сам представил без труда,
Когда она вдруг за ограду вышла,
Не собираясь вроде никуда.

На вид от дел оторванная важных,
Она стояла, ветку шевеля.
А я летел навстречу ей отважно,
В бока учёпши руки. Без руля...

Велосипед тропинкой шёл послушно.
С пути прямого не сбиваясь он.
А я смотрел на крыши равнодушно,
В успехе абсолютно убеждён.

Вдруг очень резко хлопнула калитка,
И, задержавшись около ствола,
Увидел я меж клумб шагая прытко,
Она к террасе без оглядки шла.

Отиц сказала что-то. И скреню
Пошла к скамье, где бились
Книги листки,
Пожав плечами, да с таким
Презрением,
Что я за руль схватился от
Тоски.

А их забор ломился от сиреней,
Крутых, как кипень, бивших
Через край.
И так тянула к себе их дух весенний,
Что лучше, друг, о том не вспоминай!

И по ночам забор мне этот снился,
Своей душины скрипень среди тьмы.
Светилась мрак. Я на седло садился.
Она на раму. И летели мы.

Неслись по тропкам, улицам, полянам.
Шуршили шинны, что-то нам шепта.
И мне кружило голову дурманом
Только от загорелого пачча.

А завитки волос её так нежно
Мои щеки касались на ходу,
Что просыпалась сразу я. Конечно,
Было только сном, мне на беду.

Зато я стала усидчив и серебрёзен.
«Что это с ним?» Никто не мог понять.
Но то, что было у меня на осенне,
Всех изумив, легко я сда на «пять».

С тех пор какой прошёл июнь, июль...
Мой старый друг покрыт домашней
Пылью.
Стоя, смотря на спицы, и на крылья,
И на рогами вывернутый руль.

Его мой брат, мальчишка, потревожит,
Как я, вихраст и, видно, больше смел.
Пусть он ему, весёлому, поможет,
В чём мне помочь когда-то не сумел!

ГЕРОЙ ТРУДА

Навсегда вечером 1950 года в рабочий директора Усть-Лабинской МТС поступили молодой человек. На них были поноженная шапка-ушанка и видавший вид дублёй полу-шубок Юлии, состоявший из стеклянных дверей и стоявший директором, и прошёл к столу директора.

— Николай Баланин,— представился он.— Комбайнер. Не будем ли у вас свободного места?

Свободного места в МТС не оказалось.

— Пока слесарем придется поработать,— сказал директор.

Николай поклонился. Он окончил школу механизаторов и работал до этого времени комбайнером на Северном Кавказе.

Сейчас хотелось помириться с новыми, молодыми мастерами. А тут подтаягивай гайки в чужих машин! Но всё же Баланин принял предложение директора. Работал он старательно. И вскоре его начали ставить в пример другим.

Зима сдавала свои права. На дворе МТС гудели тракторы,

готовясь выйти в степь. Комбайнеры занячивали ремень машин. Всем было весело, только Николай ходил задумчивый. У директора состоялось совещание комбайнеров, на котором распределяли машины. Баланин тут же пропал. Николай уединился, приселся, но конец не выдержал и обратился к директору:

— Владимир Степанович, я тоже хочу...

— Знаю,— ответил директор,— но машины у нас уже распределены. Если хочешь,— директор помедлил,— на старенькую можем...

На следующий день Николай возился в комбайне. Он тщательно проверил все узлы. Это со штурвалным Григорием Шумейко устанавливали транспортную очистку. Это было необходимо отправлять зерно на элеватор, минута том. Для сбора колоссов приспособили грабли. А чтобы без потерь убирать полеглих хлеб, переконструировали подъёмники-лифты.

И вот настал день, когда Баланин приступил к уборке. Балакин

был раннее утро. Солнце только поднялось из-за горизонта и сквозь пронигравшую землю Пашину стояла неизменная, пасторальная стена...

В первый год работы на куданской земле Николай убрал пятьсот гектаров колосовых, намолотил девять тысяч центнеров зерна; на буннире машины появились девять красных

звездочек. В следующую осень к нам привлекались ещё десять. За доблестный труд Николай Баланин присвоено высокое звание «Герой Социалистического Труда».

Ю. ФАЛАТОВ

Усть-Лабинская МТС,
Краснодарский край.

Я. СУХОРУКОВ

ЖИЗНЬ ПОДСКАЗЫВАЕТ

1. В комитете комсомола

В комитете комсомола завода самоходных комбайнов мы застали трёх человек: секретаря комитета Юлию Кривец, её заместителя Валентину Ромашину и секретаря бюро ВЛКСМ сборочного цеха Петра Афонина. Шай разговор о комсомольских сорняках. Юлия вспомнила ноябрь прошлого года. Тогда ей только избрали секретарём, и на первом собрании ей хотелось сказать всем комсомольцам, чтобы они активнее поддерживали инициативу нового комитета, чтобы каждый стремился стать передовиком в труде, в учёбе.

Наступало время открывать это первое собрание, но на душе у Юлии было неспокойно. В клуб пришло около двадцати человек, хотя на учёбу пришло более тысячи. Валентина Ромашина, работавшая членом комитета уже пять лет подряд, тогда сказала ей, что комсомольцы, навод, народ молодой, не очень-то любят заседать.

— Но в этом дело,— возразила Юлия.— Просто комитет не привык увлекаться к собраниям, неумело ставились на них вопросы.

Действительно, здесь издавна повелось созывать собрания от случая к случаю, выполнение решения не проверялось. Скучно было на таких собраниях...

— Теперь у нас совсем новое дело,— с гордостью замечает Юлия.

Она подошла к столу и достала из ящика книги протоколов общих собраний. Мы перелистали её. Но повестке дня разнообразные вопросы: об отношении молодёжи к труду, о политической учёбе, о спорте, о любви и дружбе. Уже в дверях на собрании, посвящённом быту молодёжи, живущий в обжежении, приступивший было птицам член комитета, спросил всех: «Что же это за комсомольцы?»

— Чем интереснее, острее, ближе к жизни стоит вопрос на собрании,— сказал Пётр Афонин.

ники, принявший участие в нашем разговоре,— тем больше комсомольцев участвует в его обсуждении.

2. Одни из вопросов

Возле длинного здания с большими окнами Пётр Афонин остановился.

— Просну в цех,— радиоуправления из цеха хлынули звуки, которые можно слышать только там, где люди имеют дело с металлом.

Неделю от похода мы встретили пареных лет двадцати двух. Руки у него по локоть были вытынанками смазкой.

— Анатолий Весслогузов,— отрекомендовал паренчика Афонин и, помолчав, добавил:

— Вот и о нём однажды говорили на собрании.

...За Весслогузовым не без основания укрепилась слава человека неорганизованного, беззаботного. Не так давно многие уверяли, что это не человек, более расточительного, чем Весслогузов. За два—три дня Анатолий мог испортить весь свою поясной, триста—четыреста рубля, потом до следующей полукчи он занимал деньги у товарищей. И так каждый месяц.

— Научите Весслогузова расходовать свои деньги,— не раз говорили комсомольским паренчикам.— Можно подумать, что на нашем заводе люди мало зарабатывают...

Но секретарь комсомольского бюро цеха Пётр Афонин не хотел вмешиваться, как он говорил, «в частное дело молодого рабочего». Однако на одном из комсомольских собраний о Весслогузове всё же заговорили.

— Не умею я беречь деньги,— чистосердечно признался на собрании Анатолий, когда они у меня в кармане, так и хочется всё истратить, а через два—три дня денег нет, и куда их дед, сам не знаю.

В зале многим ульбались. Но Анатолию было не до смеха. Он раньше и не думал о том, что безбожно не его злодея, прослыть «дать взятых» будет обижаться на собрания. Ещё вчера на такое замечание Анатолий, не задумываясь, ответил бы: «Это не твой дело», а сейчас, когда разговор о нём

повёл весь коллектив, ему стало стыдно. Поглядывая по сторонам, Анатолий остановил свой взгляд на Саше Чегулёне. Под этим взглядом Саша как-то неестественно взял голову в плач, как бы стараясь сделаться незаметным. «Почему же не говорят о Саше,— мелькнула у Анатолия мысль,— ведь он тоже сортирует хлеб, и тоже не умеет наводить, есть и другие такие хлопцы, а вот говорят только обо мне!» По сашиному лицу Анатолий понял, что речь идёт не только о нём один...

Он дал обещание, что начнёт жить по-новому, хотя ещё не знает, как начать эту новую жизнь. Товарищи посоветовали расходовать каждый день определённую сумму. Так он и поступил.

Первое время ему трудно было выполнить своё же решение. Бывали дни, когда очень хотелось тратить деньги, как и раньше, не ограничивая себя, но вскорь раз вспоминал о комсомольском собрании и о слове, которое дал товарищам.

Сейчас об этом Анатолий вспоминает с ульбкой.

— Оказывается,— говорит он,— мало зарабатывать деньги, надо ещё их умело расходовать. Спасибо друзьям, научили...

3. Незаслуженная беда

Лаурин Житиков пришёл на завод с мечтой стать мастером.

Мать Лёни, уже пожилая женщина, и его младшая сестрёнка с любовью относились к нему, как к единственному работнику в семье. Сколько было радости, когда Лёня после окончания ФЗО принёс свою первую зарплатную плату!

— Вот и хорошо,— сказала мать,— теперь полегче нам будет.

На заводе Лёней тоже были довольны.

Но вдруг случилась беда, у Лёни заболели руки, видимо, от масла, которым он неумелолизировался для смазки станка. Пришлось обратиться к мастеру цеха с просьбой о том, чтобы его временно перевели на другую работу.

ЕВГЕНИЙ МАЛИНИН

Мастер Розанов воспринял просьбу Житкова как отказ от работы. Он не поверил юноше, назвал его симулянтом. Врач, к которому Лёня обратился, ходяко сказал: «Ничего, пройдёт». Но руки болели всё больше, и на конец Лёня не вышел на работу.

Обидно было сознавать, что он, Леонид Житков, недавно-негадано стал прогулщиком. А ещё больше обидела его безразличие, честность людей, с которыми ему пришлось столкнуться.

Между тем Розанов сообщил начальнику цеха Шаличеву о прогулщиках. Шаличев уже готов был уволить парняка, когда в Дело вмешалась комсомольская организация.

И вот шумное собрание. На него приглашены и мастер и начальник цеха. Первым выступил комсомолец Александр Соловьев. Он знал Леонида ещë по совместной учёбе. Александр сказал, что ему неизвестно, когда же Житков успел стать злостным нарушителем дисциплины; ведь на заводе он работает полгода, и никто не знает, что за время ничего плохого за них не замечал. В первые дни работы за Житковым был закреплён станок старой конструкции, на котором отказывались работать даже опытные рабочие. Житков привёл станок в образцовый порядок, постоянно выполнял норму.

Соловьев поддержал комсомолец Александра Алексеева. Он сказал, что к некоторым молодёжным рабочим, особенно из числа мелких училищ, в цехе относятся нечестно, не заботятся об их производственном росте. Им поручают работу не по специальности, снижают даже разряды, которые они получили при выпуске из училища.

Неловко чувствовали себя на собрании Розанов и Шаличев. Упрёки были справедливыми.

Комсомольцы указали и Лёне на его ошибку — он должен был сразу обратиться за помощью в комсомольскую организацию, а не прогуливаться самовольно.

Лёня обещал, что этого больше никогда не случится.

4. Возвращение славы

О молодых фрезеровщиках Катя Раскачевой много говорили и писали как о новаторе производства. Почта ежедневно приносилась ей десятками писем с пропросами высыпавшихся на доски пакетов. Родители гордились ею. И когда Катя однажды не вышла на работу, в цехе забеспокоились:

— Наверное, заболела...

На другой день Катя снова не было. Тогда к ней на квартиру отправились подруги. «Может, нужна помощь?» — думали они. Но каково было их удивление, когда они увидели, что Катя, в хорошем расположении духа и добром здоровье, занимается домашними делами. Завидев подруг, Катя исполоскалась:

— Что-нибудь случилось в цехе?

— Нет, — ответили ей, — мы пришли узнать, что с тобой.

— Со мной ничего, вон видите... — и Катя указала на большую стопку писем, лежащую на столе.

Девушки переглянулись. Им не верилось, что Катя не вышла на работу из-за того, что ей надо отвечать на письма.

— Вы не беспокойтесь, — высокомерно заявила Катя, увидев замешательство подруг, — свою норму я выполню завтра.

Утром, Раскачева пришла в цех как ни в чём не бывало. В тот день она действительно выполнила более двух сменных норм. Казалось, всё пойдёт, как прежде. Но после пропуска люди стали строже относиться к Кате. Её самолюбие, вспыльчивость, которые раньше как-то не замечались окружающими, сейчас привлекали к себе внимание катинских товарищей. А Катя вместо того, чтобы прислушаться к товарищам, разозлиться на замечания, а иногда просто грубить. Самое плохое в этом было то, что Катя не сознавала своей вины, считала, что ей всё давлено.

После того, как Катя ещë раз не вышла на рабочее место, её поведение обсуждалось на общем собрании. Многое в тот вечер услышала Катя от товарищих справедливых управок и добрых советов.

После собрания она шла домой одна, вновь переживая всё сказанное о ней. У заводских

ворот её обогнали девушки, которые приходили однажды её проводить. Смеясь и перебивая друг друга, они вспоминали какой-то забавный случай.

— Идём с нами, Катя! Ты чего однай?

— Не дождусь ответа, подруги поддавали Катю и увлекли с собой.

На другой день Катя раньше обычного пришла в цех...

С тех пор прошло немало времени. Постепенно Катя своим трудом и активным участием в комсомольской жизни заново завоевала уважение товарищ.

5. Призвание

Все в цехе знали, что слесарь Александр Власов, делавший для самодельного комбайна ежедневно выпотягивал и даже переворачивал сменные нормы. Претензий по работе к Саше никто не имел, хотя многие считали, что Саша порой бывает грубым, неразговорчивым.

Власов не раз просил мастера цеха, чтобы ему поручили более сложную деталь. Он обращался и к секретарю комсомольского бюро цеха Владимиру Смирнову, чтобы тот походатайствовал за него, а сам, в свою очередь, обещал, что и на новой работе он будет перевыполнять норму.

Смирнов хорошо знал Сашу и верил ему. На одном из комсомольских собраний, на котором присутствовал и начальник цеха, Власов высказал свою мнение о том, что Власов достоин большого поручения... в это же самое время представительства возможности. Завод, получившие заявление, сочинять произведения картофелеворочущих комбайнов усовершенствованной конструкции. Это задание партии и правительства вызвало небывалый подъём у всего коллектива завода. Во всех цехах находились десятки энтузиастов, желающих освоить новую машину. Изъявил также желание и комсомолец Власов.

— Ну что ж, — сказал ему начальник цеха, — берись за новое дело, только учти: задание ответственное.

Саша полностью понимал всю важность порученной ему работы. Прочитав постановление ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», он узнал, что уже в будущем году колхозы и совхозы страны должны будут получить несколько тысяч картофелеворочущих комбайнов, что каждая такая машина способна заменить до сорока человек, занятых на ручной уборке картофеля.

Вместе с другим комсомольцем Александром Власовым была поручена сборка первых двух опытных образцов комбайна. Ни одной минуты рабочего времени Саша не терял попусту. Он изучал все детали комбайна. О том, что для него было неизвестно, он спрашивал у мастеров, инженеров. И теперь он мечтал о том, чтобы собранный им комбайн долго и производительно работал на колхозных полях.

И вот опытные образцы комбайнов готовы. Главный инженер завода Дмитрий Розанов Иванович, выступая на комсомольском собрании с докладом об основных прописях новых комбайнов, называя первого комсомольца успевшего работавшим на сборке машины, вспомнил имена и Александра Власова. Ему было поручено произвести испытание новых комбайнов в одном из колхозов Тульской области. Это поручение Саша выполнил хорошо. С тех пор у него никто не говорил, что Саша груб и неразговорчив, не говорил потому, что Власов нашёл свой подлинное место в новом деле.

***

Много комсомольских собраний было в цехах завода самоходных комбайнов. И на каждом из этих собраний шла борьба за дружного молодёжного коллектива, способный не только выполнять производственные задания, но и воспитывать, учить людей, помогать каждому в трудную минуту.

Авторитет комсомольских собраний на заводе высок именно потому, что на них обсуждаются вопросы, поставленные на повестку дня самой жизнью.

г. Тула.

Первый раз Евгений Малинин выступил в концерте восемнадцать лет назад. Тогда, четырнадцати летним мальчиком, он вышел на сцену, вскарабкался на стул, и ноги его так и не достали до педалей фортепиано. А потом зал долго и дружно аплодировал маленькому пианисту.

Четыре с половиной года Малинин был принят в Центральную музыкальную школу при консерватории. Тогда же определился его дальнейший путь. Способности мальчика были несомненными, но на консерваторию музыкальной не достаточно симпатичных: нужно труда, большой, повседневный и настойчивый.

Все десять классов школы Малинин шёл отрывчиво, а по специальности получила он отрывчиво. Свой дальнейшее образование Малинин продолжил в Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, в классе профессора Генриха Густавовича Нейгауз. Начинал со второго курса Евгений Малинин не настолько симпатичен, как некоторые другие пианисты и некоторые лауреаты конкурсов музыкантов-исполнителей.

В июне этого года Малинин принял участие в конкурсе пианистов и скрипачей имени выдающихся французских музыкантов Маргариты Жордан. Там он проходил в Париже. Сюда съехалось до ста двадцати молодых музыкантов, представителей давидат пяти стран мира. Тогда Малинин привлекся артистично с серьёзными конкурсантами, претендующими на первое место. Но у него, первого тура он заставил говорить о себе.

После исполнения Мелифасто-баллы Листа публика устроила Малинину восторженную овацию. На второй же тур он восемнадцати летних пианистов было отобрать только двадцать шесть. Среди них — советские музыканты Евгений Малинин и Станислав Нейгауз. Однако уже к этому времени распространились упорные слухи о том, что к финалистам приоритетно относятся иностранные музыканты, в частности из Японии. Даже буржуазные парижские газеты писали в эти дни, что иностранные неочищенные скромно промотировали себя, они должны знать: есть единственная бесспорная претендент на первое место в конкурсе.

Билеты в зал Гаво были дорогими, сидя можно попасть люди наиболее обеспеченные, и потому публику трудно было заподозрить в предъявляемых симпатиях к советским музыкантам.

Через часа заседало жюри, решая, кому отдать первенство. Евгений Малинин был в фаворите, когда вышла Маргарита Лонг и Жак Тифо, с возмущением говоря о чём-то. Попытавшись пронзительными свистами. Публика вспыхнула, а это саксауриз «Малинин! Малинин!». Было выстроено разномастное здание из пакетов. Маргарита Лонг осудила решение жюри. «В музыке не должно быть политики — русский играл лучше всех», — эти слова приведены газеты «Парис-пресс».

На заключительном концерте Малинин выступил вместе с советской скрипачкой Нелли Шнольиновой, удостоенной на конкурсе скрипичной первой премии и специальной премии имени Жаннеты Невэ, и французским пианистом Антремоном. Шесть раз публика требовала аплодисментов. Две разы отпускали Шнольинову. Её пришлось возвращаться на сцену.

Малинин, исполнивший вторую концерт Рахманинова, было востребовано пять раз. Публика вызывала его десять раз.

Сейчас Евгений Малинин занимается пятым курсом консерватории. В его программе — сольный концерт Франца Листа, восьмидесят вёрткая соната Прохорова, Второй концерт Брамса и Четвёртый концерт Рахманинова. Ближайшая его мечта — совершить концертную поездку по Советскому Союзу.

Б. ГРИГОРЬЕВ

Комсомолец Евгений Малинин — лауреат конкурса пианистов и скрипачей имени выдающихся французских музыкантов Маргариты Лонг и Жана Тибо.

ФОТО С. Семёнова.

Чемпион по мотоспорту 1953 года комсомолец Н. Селиванов на первенстве СССР.
Фото Б. Светлакова.

ДЕНИ ДИДРО

К 240-летию со дня рождения

Эпоха Просвещения выдвинула в XVIII веке группу выдающихся мыслителей, философов, учёных, художников, писателей. Они подвергали сомнению, осуждали, осмеяли всё то старое, застывшее, обеташлое, что служило отживавшему свою вес феодализму.

Великий французский просветитель Дени Дидро родился 5 октября 1713 года в городе Лангре в семье ремесленника-носковщика. Учился в местном мезутском коллеже, затем в парижском коллеже Д'Аркур.

Дидро быстро разочаровался в низкокультурной среде, которую ему приучили отец, Страсбургский гравер, феодальные порядки, душившие Францию; он становился выразителем народной ненависти к королевской власти, дворянству и духовенству.

Всю жизнь Дидро подвергалась гонениям. За распространение «головных мыслей» он был заточён в Венсенский замок. Книги его сжигались. Но преследования властей не сломили боевого духа Дидро.

В 1749 году один парижский издатель предложил ему отредактировать перевод английской «Энциклопедии» Чемберса. От ответа на это Дидро выдвинула мысль о создании французской «Энциклопедии».

Работа над «Энциклопедией» определила всю его дальнейшую деятельность. В качестве сотрудников Дидро привлек лучших представителей передовой мысли Франции. Статьи для «Энциклопедии» писали Вольтер, Монтескье, Руссо, Гельвейций, Гольбах, Д'Аламбер и многие другие выдающиеся учёные и писатели.

В «Проспекте», объявлявшем о выходе «Энциклопедии», говорилось, что её задача — представить общую картину усилий человеческого ума всех народов и во все века. И действительно, «Энциклопедия» была для своего времени наиболее полным и совершенным сводом сведений по всем отраслям знаний, в ней было выражено новое мировоззрение. Семнадцать томов текста и семь томов иллюстраций — таков обём этого труда. Ему отдан Дени Дидро свыше двадцати лет своей жизни (с 1751 по 1772 годы).

Величина и значимость «Энциклопедии» — в её революционном духе, ниспрровергающем все феодальные авторитеты, в пропаганде материализма и атеизма.

«Энциклопедия» и деятельность всех просветителей идеологически подготовили французскую буржуазную революцию. Она спаслачала ряды противников абсолютистско-феодальной монархии. Томы «Энциклопедии» неоднократно осуждались королевскими указами на сожжение, запрещались из печати и продажи. После выхода седьмого тома Д'Аламбера отказался редактировать «Энциклопедию». Последние томы печатались и доставлялись подписчикам тайно. Публикации их были предприняты Дидро, который был душой «Энциклопедии».

Перед Дидро принадлежит множество боевых, острых статей в «Энциклопедии» на самые различные темы. Он руководил отделом труда, техники и производства, сам писал статьи по этим вопросам и иллюстрировал их. Важнейший отдел в «Энциклопедии» существовало на демократических устремлениях Дидро.

В «Энциклопедии» Дидро выступал как поборник философского материализма. Эти же позиции он отстаивал в своих художественных и научных произведениях.

Знаменные диалоги «Разговор Д'Аламбера с Дидро», «Письмо о слепых в назидание архитекторам», «Мысли о бытности природы» — эти и многие другие произведения создали Дидро славу корифея французского материализма XVIII столетия.

В своих философских воззрениях Дидро

исходил из материальности мира. Материя, считал Дидро, находится в вечном движении. Основной вопрос философии — об отношении бытия и сознания — решалась им материалистически. В «Разговоре Д'Аламбера с Дидром» он писал: «Мы — инструменты, одаренные способностью ощущать и память. Наши чувства — клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто сами

ленники пробивали дорогу царству буржуазии.

Дидро-философ критикует феодализм, но он ещё не в состоянии увидеть язвы нарождающегося капитализма. Однако художественная практика писателя-реалиста для ему возможного подвергнута критике и буржуазное общество.

В своих работах по эстетике Дидро выступает за единицами правды и искусства. «Природа», — уверял он — «всегда права», несущая только тогда приют опасность уклониться от правды при подражании, когда она уделяется от природы.

Этому принципу следует Дидро в своих реалистических повестях и романах — «Монахиня», «Племянник Рамо» и «Жак-Фаталист».

В повести «Монахиня», написанной в форме записок молодой монахини Сюзанны, Дидро бичует католическую церковь. Книга была напечатана лишь в 1796 году, через тридцать шесть лет после написания. Но и в XIX веке книга дважды запрещалась цензурой.

«Племянник Рамо», как и роман «Жак-Фаталист», написан в форме диалога. Дидро беседует с тунеядцем Рамо, и перед читателем предстает во всей своей непринятливости этот алчный, беспричинный буржуазный индивидуалист, который живёт подавлением, богаче и перенимает всевозможные свои хозяев. Роман «Племянник Рамо» высоко оценены Маркс и Энгельс.

В «Жак-Фаталисте» писатель подвергает всестороннему осмыслению аристократическую феодальную Францию, призывают к сплочению всех сил на борьбу против абсолютистской монархии.

«Племянник Рамо» и «Жак-Фаталист» были, так же, как и «Монахиня», изданы лишь после французской буржуазной революции. Оба произведения первоначально вышли в свет на немецком языке. «Племянника Рамо» перевёл с русского Гёте, «Жак-Фаталиста» издал другой великий немецкий поэт — Шиллер.

В 1773 году Дидро по приглашению Екатерины II приехал в Петербург и пробыл там пять месяцев. Великий французский просветитель был избран действительным членом Петербургской академии наук, которую он называл корпорацией «самых знающих людей Европы». В 1774 году Дидро написал «Замечания на «Некак» Екатерины II Комиссии по составлению законов, в которых разко критиковал крепостническую Россию. «Она (Екатерина. — Я. З.) не говорит ничего об освобождении крепостных. Между тем вопрос этот весьма важен», — указывал Дидро. Императорница претила революционный дух «Замечаний», «Это — сущий вадор», — писала она. — Если б мой наказ был во вкусе Дидро, он должен был бы перевернуть всё вверх дном в России».

Дидро высоко ценил достижения русской науки и предсказывал ей большое будущее. Он был знаком с некоторыми трудами Ломоносова. Дидро изучал русский язык, чтобы читать в подлиннике произведения русских учёных и писателей, вывезенные им из Петербурга.

Умер Дидро в 1784 году. Буржуазные истории философии фальсифицируют и замалчивают труды великого просветителя, объявляют их устаревшими, лишенными интереса. Но напрасны усилия клеветников. Передовое человечество, борющееся за мир и дружбу между народами, наряду с другими достижениями мировой культуры взяло на свой вооружение лучшие, прогрессивные стороны наследия Дени Дидро.

Я. ЗАСУРСКИЙ,
кандидат филологических наук.

по себе ударяют». Однако философ не сумел понять диалектический характер переходов от ощущений к представлениям и понятиям.

Дидро остроумно опроверг субъективный идеализм английского философа Беркли, отрицающего объективность существующего вне нас мира, «быть момент сумма сущности», — писал он, — когда чувствующее фортепиано вообразило, что оно есть единственное существующее на свете фортепиано и что вся гармония вселенной происходит в нём». Эти слова Дидро приводят В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», разоблачая взгляды идеалистов и мракобесов.

Выдвигая мысль о единстве живой и неживой природы, Дидро предвосхитил некоторые черты эволюционной теории. Он называет безумием предположение, что «животные с самого начала были таковы, какими они являются сейчас».

Дидро выступает против богословских расуждений о ниспосланных свыше способностях и знаниях, «Знания, дарованные свыше», — иронизирует он, — «весьма невелики».

Дидро исходит в своей философии из познаваемости мира. Он признаёт решающее, значение общественной среды для формирования человека. С точки зрения материалистической позиции Дидро бичует монархию, феодализм, религию, отвергает понятие о данных свыше правах. Боеvый характер материализма и атеизма Дидро отражал революционные чаяния французского народа.

Дидро был наиболее последовательным из французских материалистов XVIII века, но и ему, свойственна ограниченность домарксистской философии: уровень развития наук и классовская ограниченность не позволяли просветителям диалектически понимать действительность. В области политики и общественных взглядов они оставались идеалистами. Ратуя за царство разума, Дидро и его единомыш-

СТИХИ МОЛОДЫХ

Первая книжка, первый сборник стихов — какой это ответственный шаг! Часто он определяет всю дальнейшую творческую биографию автора, создаёт его репутацию. Так важно для поэта с самого начала выбрать верный путь, найти правдивые интонации, избежать фальши, искусства — они ведь в лирике особенно непростильны, особенно непрятны и заметны.

Беды подобного рода постигают молодых поэтов часто. Постигли они, к сожалению, и Николая Каткова, чьё первая книжка стихов, «Моя звезда», вышла в этом году в Ленинском книжном издательстве. Молодой автор не промудрил, с чем выйти ему на встречу с читателем, что представить на его строгий и требовательный суд. В результате стихи Каткова полны отъявленной, сухой риторики, обещающей драматических, общих восхищений и поклонений, имеющих вид глубокомыслия, а на самом деле являющихся банальными повторениями, истинами, уже много раз высказанными другими.

Иди настичено вперёд.
Лишь впереди победа ждёт!

восхваляет поэт, не замечая, по-видимому, того, что он в сотый раз выражает чужую мысль.

Ведь нам упрямство глупого дороне.

Совет согласны ли любить, — уверждает автор, не вдумываясь в то, что глупое упрямство вообще никому дороге не может.

Катков находится в плену у афоризмов сомнительной глубины и свежести.

По цвету волос, по ульбке
Любимые нельзя выбирать, —
назидательно и вполне всерЬз
поучает он и тут же советует:

Всеноупорной всё преодолей.

Право, за этими строками стоят не живой человек нашего времени, не молодой наш современник, а автор, живущий забытой книжной мудростью. Изобразительные средства Каткова стих его языка, слаб. Апельсины, например, поле войны, Катков утверждает: «Мечтала логинова о юности живая». Но какой читатель поверит поэту, что мечтала юность? Бедность содержания, скучность изображательных средств, неточность речи молодой поэта пытаются компенсировать внешними средствами. Обычный пятитонный язык он «новаторски» разбивает, превращая четверть строки в восьмь:

Вспомнишь и радостно
Шепчу и
Заветные.
Счастливые слова.
Довольно,
Нежную,
Родную,
Всё сие тебе сегодня целовать.

Некоторую эту мысль можно было бы без ущерба выразить и в четверостишии обычного начертания...

Внешне неподражаемы на стихи Каткова произведения другого молодого поэта, Евг. Евтушенко, нередко появляющиеся в спортивных журналах и газетах и недавно вышедшие отдельной книжкой

(«Разведчики грядущего». Издательство «Советский писатель», 1952). Евтушенко уверенно владеет стихом. Ему не удается употреблять равнение на старые образцы. Молодого поэта влечут к себе стихи Маяковского, его волевые интонации, его ритмы, его сложные и дактилические рифмы. Когда встречается у Евтушено «расставленные лучица» или «стажевые крутизны», когда читаешь о «разрывавшейся» помощи на полях Марийши, когда она вспоминает строку «за перевалом лёг лёт», видишь, что молодой поэт следовал за Маяковским во многих деталях его поэтической походки. И всё же чувство неудовлетворения остается после чтения Евтушено, стихи несхожи со стихами Каткова.

Нет спору, Евтушенко удаются некоторые штрихи описываемых им геологических походов и разведок. В стихотворении «Земля», например, он неуклюже изобразил «караваны гор, навьюченные областями», в другом стихотворении — «Город» — ярко дал образ ветра:

Холодные струи с высот гоня,
ветер
бушует
в ночи.
Вот-вот
он сорвёт
депоток огня
с горы последней сечи.

Нужно отдать молодому поэту должное: он нашёл яркую метафору. Однако практически удачами, которые не так уж редки в стихах Евтушено, не определяется направление его поэтической работы в целом.

В стихах Евтушено ещё мало сердечной теплоты. В них очень часто говорится о том, что «нет ничего прекраснее дороги», рассказывается, как «мы слова влезли в собеседника, что час устремился к берегу». Но выражено это было холодно, с теми же витиями, в общем как будто и правильными словами не чувствуется ищащая и размышающая человеческая личность.

Показательна неудача, которая постигла Евтушено при его попытке нарисовать образ Маяковского. Взял сложную и трудную тему, молодой поэт лопнул по линии наименовшего сопротивления. Изложив стихами несколько эпизодов биографии Маяковского, Евтушено сообщил, что у поэта были «глаза упрямые, брови взрывающиеся», прибавил несколько общих слов и рассуждений и, в сущности, этим ограничился.

Живой Маяковский почему-то в восприятии Евтушено всё время путешествует по Америке:

...Только вчера его
видели
в Детройте...,
...Сегодня
Нью-Йорком
в рядах демонстраций...
...то появляется он
в Огайо.
то в Чикаго!

Право, этот щедрый перечень географических наименований мало помогает представить живого Маяковского и сегодняшнего кинематографического кинематографиста, ступившего первокурсника, верхолаза,

боевых стихов. Ещё менее этому могут помочь явно подражательные строчки:

На шине машин
ветер намотан.
Идём, спешим,
вдруг —
вот он!
Солнечность лет
липится, будется.
С нами поёт
работает, трудится.

Если Евтушено хочет работать в познании всерЬз, ему следует критически пересмотреть метод своей работы, устремиться к большей лирической глубине и конкретистике, начать неискать самобытные образы, не ограничивая себя различностью.

Только тогда, когда молодые поэты обращаются к живому опыту — своему и своим современников, — когда они стремятся заглянуть вглубь темы, они добиваются не внешних, но минимых, а подлинных творческих успехов.

В качестве примера хочется назвать книжку стихов молодого поэта Николая Криванчикова «Олимпийский край» (Крымиздат, Симферополь, 1953). Судя по стихам, Криванчиков — лётчик. С большой любовью пишет он о своей профессии, о своих товарищах по оружию. Метафоры молодого поэта свежи и выразительны:

...мы отсекаем
и надвое режем
прощающую, ярость девятого
вола.
Посадочный знак на неизношенном
поле
сверкает в траве
рушином полотнищем,
как будто встречают нас
хлебом и солью.

Поэт видит окружающий мир не через книжное восприятие, а так, как он представляется ему в его непосредственных ощущениях.

Молодому поэту надо еще много го работать. Бывает, и он грешит риторикой, общей фразеологией. Не удаются ему те стихи, где он описывает мало ему знакомое. Таков, например, довольно поверхности цикл стихов «Поездка на Цимлянское море». Но в основном Криванчиков на первом пути, он прорубает свои силы в русле реалистического стиха.

Отрадное впечатление производят стихи молодого поэта Константина Ваншенкина. Удивлен был его первый сборник «Песни часовьев» (1951). Оправясь на завоеванное в этой своей первой книжке, К. Ваншенкин недавно выпустил новый сборник — «Лирические стихи» (М., 1953), свидетельствующий о его серьёзном росте, о мужестве его поэтического голоса.

Герои лирических стихов Ваншенкина — простые люди разных возрастов и профессий. Это рабочий-новичок, получивший свою первую зарплату, колхозный подросток, влюблённый в кино и безумно помогающий юному кинематографисту, ступент-первокурснику, верхолаза,

высотным зданиям Москвы, запала, которого так хочет увидеть девочка, слушающая песню про ходящей мимо её дома роты.

Привлекательная черта лирической поэзии Ваншенкина состоит в том, что молодой поэт умеет увидеть в своих героях характерные черты нашей эпохи.

Родный запевала, которого девушка не могла разглядеть в сокнутом строю марширующих солдат, является у Ваншенкина однозначным силы и молодости нашей эпохи. Вот его характеристика:

Родина по городу усыпана,
Парк походит на память детства,
На запевала весёлого запевала
Песни про геройские дела.

И мгновенно рота подавливается, А случилось это потому, Что она невольно подчинилась Молодому голосу тому.

В нём громко звонкие подковы, Словно звериный яростном бою, Обладатель голоса такого Шёл в пел, затянутый в строю.

Этот лирический герой — один из многих, один из сотен тысяч подобных ему. Но это же время это и конкретная лирика.

Ваншенкин органически осваивает и творческий опыт Маяковского. Такое стихотворение Ваншенкина, как «Мой мартин», свидетельствует, как «я ему близок» и широкая ораторская манера Маяковского, его политический пафос. Но в то же время Ваншенкин не подражает, а пишет так, как подсказывает ему сердце. Задушевна и искренна его строки, обращённые к Коммунистической партии:

Лишь от тебя получил я силу
И по тебе лишился
равнинные шаги,
И мне фантастическое болло было,
Когда спряталася в твои враги.
Я был на фронте с тобою вместе
И помни тех, кто погиб в огне,
Тех, в честь кого на память
Стерьё.
Печально встала ты в тишине.

В стихах Ваншенкина ещё много недостатков. Его стихам присущее многословие. Повествование словесно иерархическое, плохо отделанные строки. Но это издержки роста. В целом Ваншенкин работает целесустроеменно, с чувством ответственности.

Различны пути, которыми идут молодые поэты. Часто, порой слишком часто их подстерегают серьёзные опасности. Гладкопись, риторика, стремление к демописи, афористичность, отсутствие своего, самобытного взгляда на мир, формализм, пустая вычурная подражательность приводят к большим потерям — к обману к сожалению, и порою — к распространению болезненной литературной молодёжи. Но тот, кто начинает свою поэтическую работу всерЬз, кто берёт на себя нешуточную ответственность перед читателем, кто хочет в поэзии временным, кто идет дорогой реализма, тот добьётся творческой победы. Только так стоит жить и работать в поэзии, которая вся — «сeda в незнаемое».

АН. ТАРАСЕНКОВ

ЕГО ПУТЬ

Дитер НОЛЛЬ

Рассказ

Пятнадцать лет проработал Карл на заводах Цейсса. Он был хорошим рабочим. Дирекция ценила его умелые руки и покорный нрав. Что ему нужно было от жизни? Немного еды? Он получал её. Немного табаку? Было и это. Всёе или менее сносное жилище? Он жил в одном из домиков рабочего посёлка. Карл был доволен. Забастовка, которую объявляли голодавшие рабочие Рура, его не касалась: он был счастлив. Мимо прошла и стачка в Хемине, вызванная тем, что в рабочих бараках противили попытку у Карла быть прорывом и открытым домиком. Всё это его не тревожило.

Чтательно и любовно вытичавши он штативы для объективов, оправы для линз, корпусы для полевых биноклей и подзорных труб. Он вёл себя, прямо как ребёнок, когда замечал у кого-нибудь вещь с кайлом завода. Мог заговорить с неизвестным — с каким-нибудь туристом или просто гуляющим, если у того висел на боку бинокль.

— Разрешите?.. На одну минутку, — просил робко Карл.

Взял бинокль или подзорную трубу, он вертел их в руках, осматривая со всех сторон и радостно улыбаясь — ведь в этой штуке была частица и его труда! Жена хорошо понимала его и каждый раз спрашивала:

— Уж не ты ли это выточил, Карл?

И он с гордостью отвечал:

— Конечно. Кто же ещё?..

Он был молод, полон сил, спорт сделал его мускулы стальными. Его призывают, и он пошёл охотно. Однако на военной службе Карл почтвовалась собой одиноким и несчастным: там не было его токарного станка... Он попал в танковую часть. Его

сделали башенным стрелком. В танках он обнаружил оптические приборы с клеймом: «Цейсс. Иена». С этого времени Карл почтвовалась собой в армии, как дома. Теперь он ухаживал за орудием и приборами с нежной заботливостью. Раньше он гордился своим токарным станком, а теперь — своей пушкой и её «глазом» (так он называл оптический прибор Цейсса).

— Вы, должно быть, сами такие мастера! — благосклонно спросил его фельдфебель. И Карл отчеканил, щёлкнув карабуками:

Так точно, господин фельдфебель! Кто же ещё?

Он так бы и остался на военной службе хорошим рабочим, каким был там, в тылу, не окажись рядом этого смуглого мальчишеского парня, механика-водителя, который много наблюдал и мало говорил. Услышав ответ Карла, водитель чуть что застенчно ульянулся одними уголками рта.

— Выходит, и ты приложил руку к этому грязному делу! — сказал он, когда фельдфебель отошёл.

— Как так? — спросил Карл обиженно.

— Подумай сам, или прикажешь ещё и думать за тебя?

— Как так: «ещё и думать»? — упрямо настынивал Карл.

Тогда водитель прищурился и сказал:

— Очень просто: расхлебывать-то всё это пришлось нам самим.

Потом повернулся и пошёл прочь, оставил Карла потрёпанным в глубокое раздумье...

Вскоре между ними возникло нечто вроде дружбы. Карл испытывал чувство скрытого восхищения к своему новому товарищу, уменьшенному так упорно молчать и едва заметно иронически подбрасывать

уголками рта во время самых бурных разговоров, которые им учились начальство.

Вдин наступления на Францию, на коротких привалах, когда пополнялись запасы горючего и боеприпасов, они лежали рядом на траве и пили из одной фляшки. Как-то после боя Карл похвастался, как ловко ему удалось поймать вражескую машину точно на «крестик» цейссовского прицела, как она с легкостью же выстрела из-за колеса. Механик-водитель с увлечением посмотрел на него и сказал:

— Ты же рабочий, Карл?

— Что значит рабочий? — сказал Карл и пригласил выпасть товарищу всё то, что ему вдబыл в голову за время работы у Цейсса: цейссовы — это совершенная особая порода рабочих. Их нельзя сравнивать с обычновенными пролетариями, хотя бы из-за особого статута завода. Кроме того они получают в конце каждого года по сто двадцать марок. Это, так сказать, дивиденды...

Механик-водитель промолчал. Однако, когда спустя несколько часов их танк, покинув сзаду, угодил под обстрел французской артиллерии, он ответил Карлу.

— Я интересуюсь, Карл! — крикнула в микрофон механик-водитель так, что все, в том числе и командир машины, могли услышать его. — Я очень интересуюсь: знает ли об этом французские снаряды?

— О чём? — прокричал Карл, прильнув к окну танка.

— О том, что тебе особый статут и сто двадцать марок дивидендов, — пояснила водитель и рассмеялась. Это были последние слова в его жизни и последний смех. В ту же минуту французский снаряд пробил броню. Только Карлу и заряжающему удалось выскочить из охваченной пламенем машины...

С этого дня Карл переменился. Казалось, молчаливость убитого товарища пепелила теперь к нему. Его постоянно мучили многие нерешенные вопросы. Кратко, немигословными разговорами с прежним механиком-водителем надо было обязательно продолжать. И он верил, что в конце концов найдёт ту ясность, которой ему это недоставало...

***

Однажды Карл колесил в развалинах блиндажей французских артиллеристов. Он делал это от скучи — батальон застрял в маленьком пустынном городке, — к тому же странное беспокойство, владевшее им в последние дни, не давало уснуть на месте. Вдруг взгляд его упал на стереотрубу, торчавшую среди обрушившихся брёвен разбитого наблюдательного пункта. Охваченный внезапным подозрением, он подошёл к ней ближе. Кара спущены сумерки. Напрягая зрение, Карл пристрелял на блестящий блок из металла: «Цейсс. Иена».

Долго стоял Карл — тяжёл и башенный стрелок, глядя куда-то в тёмную даль...

Потом он тихо проговорил:

— Так... Так, значит, обстоит дело...

Несколько дней спустя — это было в конце кампании — французы, бросившись в одну из последних отчаянных контратак, ворвались в расположение батальона. И когда осколки французской гранаты хлестнули Карла на ногам, ему показалось, уже в самые последние моменты, когда сознание покидало его, что он смышил сурьёзный, почти угрожающий окрик товарища:

— Ты должен был бы знать это...

— Я?..

— А кто же ещё?..

***

«Тот, кто ищет ясность, всегда обретает её», — так написано в прошальном письме, переданном Карлом из тюрьмы после того, как его ему было вынесено смертный приговор.

Когда он это писал, к нему самому уже давно пришла ясность. Когда он это писал, многих уже называли его товарищем.

Карл не знал, что ему удастся избежать смерти. Он был готов умереть.

Перед чрезвычайным судом, заседавшим в Берлине зимой сорок четвёртого года, прошла вся жизнь бывшего токаря. Суды нашли его прошлое «безупречным: он был хорошим рабочим и солдатом».

— Как это случалось, обвиняемый, — допытывался судья, — что вы, до сего времени безупречный, честный человек, попали в нелегальную коммунистическую партию?

— Я искал её, — ответил Карл.

— Но зачем? — воскликнул судья.

— Вы же сами сказали, что честный человек.

— Позор! — пролаял прокурор, а Карл продолжал, как бы обращаясь к самому себе:

— У меня возникло столько вопросов... — Что это были за вопросы?

— Потому, например, немецкие солдаты были убиты французскими снарядами? — Но мы же воевали с Францией, чёрт возьмёт! — воскликнул прокурор.

— ...Французскими снарядами, которые направлены в цель для помощи немецких оптических приборов Цейсса?

Всёобщее молчание... Только прокурор пролаял:

— Позор!

Подёржанного объективным тоном (он находился этот случай психологически интересным) председательствующий спросил:

— Расскажите же, как вы нашли ответ на этот...

— И другие... — подсказал Карл.

— ...и другие вопросы?

И Карл рассказал. Пусть знают, подумал он, как люди приходят к тем, к товарищам...

***

Он долго пролежал в лазарете. Нога его так и не стала сгибаться в колене. Это его мало беспокоило. «Они стреляют в немецких солдат, — пользовались привилегиями Геббельса, — вот о чём они говорят. «Какое подобное возможно?» спрашивала он каждого. Болезненно пропитывало не ломано, а ногу на этом гололёду; так уж оно есть, ничего не поделаешь. Но нашёлся один, долгожданный, как жердь, парень, который сказал:

Можешь этому нынче объяснение.

— Где? — настойчиво спросил Карл.— В книгах? Что же это за книги?

— Ах ты, господи! — отвечал высокий. — Конечно же, в книгах Ленина!

— Ну да? — протянул Карл недоверчиво. — Такие вещи написаны в книгах Ленина?

— Да, и ещё кое-что, — улыбнулся высокий.

Карл расспрашивал его целыми днями. А когда рана зажила настолько, что можно было вставать с кровати, он всюду копытал на костылях за высокими. В конце концов Карлу удалось победить его недоверие. Теперь они часто сидели втроём или четвертом в саду госпиталя и шептались между собой. «И по мере того, как бывший танкист, нет, не танкист, а то-

карь, входил в круг ленинских идей, перед ним раскрывался новый мир, который так долго был для него чужим, а теперь быстро становился родным, близким».

Он вернулся к своим. Не туда, в маленький городок на Западе, где родился, а к своему классу, к людям труда. Через полгода, когда он выписывался из госпиталя, уже пятеро назывались его товарищами. Хромого Карла демобилизовали: он сделал свой дядо.

По распределению парни отправились в Берлин. В декабре сорок третьего он был арестован и предстал перед судом. Был вынесен смертный приговор.

— Никакая сила в мире не может поколебать империи Фюрера — патетически воскликнул прокурор. — А коммунисты — меньше, чем кто-либо другой!

— Не они? — удивился Карл. — Так же что?

В сорок пятом он вернулся на завод Цейсса. Год, проведённый в ожидании казни, год пребывания в камере смертников остался позади. Никто не знает, как случилось, что падали забыты на нём. Советские танки освободили Карла из фашистского застенка.

А дома, на заводах Цейсса, работы были по горло. И для него и для тысяч других было разбирать развалины и строить заново.

Были люди, у которых опускались руки, они оплакивали, что заводы Цейсса не подняли с руин. Карл беседовал с ними, и многие переставали хныкать. Другие отказывались работать. С ними он спорил часами, часто до глубокой ночи. Он и другие товарищи, которые знали, куда идет дело.

Шестнадцать часов Карл бился над стволом станком и переделал его Сталь испытывала усовершенствование. Семидесят два раза всё кривлялось и неучачивал. И он начинал сначала. На сорок третий раз станок подчинился его воле. Гордая, счастливая ульбка осталась лицом Карла.

Одни за другим стали следовать его примеру и другие рабочие. Вскоре цеха снова были полны машин. Ожили заводы Цейсса, но теперь рабочие сами были хозяевами своего народного предприятия.

Ещё не был закончен монтаж оборудования, а Карл с товарищами уже вытачивал первые опоры, потому что шланговый цех давно наладил выпуск линз.

Позже, когда цеха уже работали на полный ход, Карл часто подходил к одному токарю, здоровошному парню, одному изично недовольному.

— Хотешь знать, — говорил ему тот, — почему я ворчу? Потому что раньше у меня был станок модели сорок первого года, а теперь — эта старая развалина выпуска тридцать второго!

— Понятно, — отвечал Карл, — значит, надо повысить производительность.

— Для чего?

— Для того, чтобы завод мог давать больше продукции. И тогда ты снова получишь станок выпуска сорок первого года, старый ворчун!

«И «недовольный» действительно получил новый станок. Не сорок первого года, нет! Ни разу не было клёвым: «Год выпуска 1949-й». Такого усовершенствованного станка он оторвался не выдавал. Карл подошёл к нему и спросил:

— Ну?

И ворчун протянул ему руку:

— Не взьмись, Карл... Вы всё-таки правильно взялись за дело!.. Такого хорошего станка я, в сущности, заслужил.

— Альди уж... — сказала Карла.

А парень добавил совсем тихо:

— Если ты захочешь взять меня в свою бригаду отличного качества, то я, пожалуй, пойду. Ну, конечно, пойду... Только спасибо за то, что ты спасёшь нас всех!

И Карл ответил громко, так, чтобы каждый услышал его:

— Если не мы, так кто же ещё?..

Перевод с немецкого
В. СТРУЕВ.

СТИХИ КУБЫ

Куба

Куба (Курт Бартель) — известный немецкий поэт. В 1933 году он бежал из Германии. Учился в Праге, Брюсселе, Берлине, Бонне, Венеции, Фольшиц и Австрии, где создавал свои первые стихи и главы «Позмы о человеке», впоследствии получившие Национальную премию ГДР. С 1945 по 1948 год Куба жил в Англии, работал мальчиком. Вернувшись на родину, он выпустил не сколько книг стихов.

В 1950 году Куба — генеральный секретарь Союза немецких писателей, кандидат в члены ЦК СЕПГ.

Молодые ветераны

Союзу свободной немецкой молодёжи.

издалека светило
вам красною звездой.
Дало вам направление,
и в шире трудных дней
вы помогли рождению
республики своей.

Вы вместе с ней мужчины,
Она растяла вас.
Вы оба приближали
труда и мира час.
И вот стоят трибуны
в гирляндах пестрых лент.
И, сердцем самий юный,
наш старый президент
глядят на вас с любовью.
Он рад таким сынам!
Растите на здоровье!
рукой он машет вам...

Благодарю вас, юноши страны!..
Сторого ваши действа
в пожарщиках войны.
Но крепли и росли вы,
и, выйдя среди бурь,
в своих руках несли вы
градящую лазурь.

Так, в сумрачные годы
вам вечным флагом стал
кускочек небосвода,
что из-за туч сиял.
Пусть зимний ветер грубый
снегами путь замёл,—
уже легли губы
слово «ком-со-мола».
Оно дало вам силу,
когда справиться с бедой,

Так былью сказка стала.
Шла молодёжь вперёд.
Как дома запылала,
как загулел завод!
Народ доверил юным
в сады страну одеть:
— Любите эту землю.
Учитесь ей владеть!

Вперёд, в победу веря!
Настал работы срок.
Широко в честье двери
нам распахнула восток.
Мы смеялись, живём, всплескаем
в холле новой приюта нить.
Мы кровь не проливаем.
Мы учимся, как жить.

Но эта наша сила,
Кипение работ
на Западе громилил
покоя не даёт.
Но пусть тюрьмой,
пусть бомбой
грозят нам упрёки,—
свод неба голубого
в лучах большой зары
мы вырвали у ночи,
у бури грозовой!

Народ войны не хочет!
Мы не потерпим войн!

Мы не потерпим, чтобы
опять пожар войны
из нашей материнской,
из отчёй стороны
попала по всей планете
и кинулся к друзьям,
что с нами строят трассы
и доверяют нам.

Иди же вперёд с дерзанием,
мощь молодых колонн,
штурмуй крепость знания,
науки бастон!
Ни злобе, ни обману
нас не опутать, нет!
Пред нами наши планы,
над нами яркий свет
звезды, что на них сияет
и к миру нас ведёт...

...Глади: туманы тают,
светят небосвод!
Он весь, как флаг наш, синий,
что бьётся у дреки,
поднятый на вершине
единства
на века!

Перевод Лев ГИНЗБУРГ.

Комбайн «Сталинец»

Посланец народа к народу,
Покинув Ростов-на-Дону,
Глядит он на нашу природу,
На нашу иную страну.

Ворчит он: — Простор бы мне
нужен,
А здесь надо сдерживать шаг,
Здесь нивы, как мелкие лужи,
А я же комбайн, как-никак!

Он громко молотят пшеницу,
Сердясь на порядок такой:
— Здесь хлеб ручейками струится,
А надо, чтоб лиса рекой!

Я сделаю пять поворотов —
И кончен мой крохотный план,
А я бы хотела, поработав,
Пшеницы скосить океан!

Перевод С. БОЛОТИН.

Мюнхен*

Прощались молча сы с отцом,
Уходит сын в поход,
— Прощай, мой мальчики!
Будь бойцом!

Богемия зовёт.

И мальчик в комнату забежал,
снял китель, а потом
умылся быстро, ранец взял,
пошёл — и стал бойцом.

Поздравляла смина мать:
— Спеши, сынок!.. Война! —
Вот так котята бы боялись
всю армию она.

Пошли наставки рядом с ним
на площадь, где вокзал.
Колечко с камешком простым
в руке он ощущал.

И как на брата своего,
сияя шапки, возле съём
смотрели люди на него,
когда он мимо шёл.

И отражались ночь и день,
зелёный лес и дом,

и вся страна, и весь народ
в его щитке стоялном.

И синий сталью у границ
богемский край сверкал,
Про вероломный договор
ещё никто не знал.

Но ставят подпись дипломат —
в грязи и жизни и смерти.
Шёл, молча, шаг домой солдат,
и жгла солдата месть!

Перевод Лев ГИНЗБУРГ.

* Это стихотворение было написано Кубой в 1938 году, когда поэт находился в эмиграции в Чехословакии и являлся неизвестным именем отцем в Мюнхене.

Как известно, народ Чехословакии готовился к вооруженному отпору гитлеровским агрессорам, наивно полагая, что родина...

В это время англо-французские правители встретились в Мюнхене и заключили с ними позорное соглашение и открыли Чехословакию на растерзание немецким фашистам. Чехословакия армия была распущена.

ЛЮБИМАЯ ПРОФЕССИЯ

У окна почтового вагона стоит девушки. Вот растяли в синеватой дымке крыши Каунаса — «Город завоеваний» — и раз блеснула серебром Неман. Уже четыре года Нина Лунькова ездит с почтовым вагоном по линии Москва — Калининград.

— Тогда я только училась в химической школе. За работу, девушки! — говорит начальник brigady Vera Dronikova.

Вагон, в котором расположены деревянные сидения, похожие на пчелиные соты. Потом все они набиты конвертами — это значит, что письма доставлены. Но нужно подготовить к сдаче еще сотни писем, которые через несколько минут должны будут разноситься в Черняховске, Калининграде, Балтийске.

Кропотливая и ответственная работа в почтовом вагоне: от почтальона зависят, скоро придет письмо или нет, а это для них нет. Когда в 1947 году Нина семнадцатилетней девушкой начала работать на почтовом участке Белорусского вокзала в Москве, она еще плохо знала расположение почтовых узлов, равно как и правила в монистике называния.

После первой же поездки Нина привезла к начальнику почтного узла.

Сегодня я отправила письмо в Красноярск вместо Краснодара, — рассказывает она, сдерживая слезы.

Начальная чуть улыбнулась и покачала головой.

— Надо учиться.

Вместе с учениками Нина принимала детальные изучение архитектурных зданий СССР и социального деления Советского Союза. И они овладели способом работы с почтовыми штампами. А в сентябре прошлого года Нина Лунькова получила грамоту от Московского горсовета почтальонов ВЛКСМ, вступила в комсомол.

Нина и ее подруги — Vera Dronikova и Polina Kuznetsova организовали brigady со скрашенным составом. Вторым они отлично выполняют работу по приему, вывозу, один раз девушки успевают обработать и сдать на узловые пункты до стечения писем, перевозят постпакетов.

Поезд приближается к Калининграду. Брандмауэр окончил школу, теперь откладывает Нина стоят у окна, глубоко вдыхают влажный морской воздух. Каждый из них, загорелый лицо задумчиво.

— Знаете, девушки! — говорит она подмигнув — Я хотела сказать, что я поступила в восьмой класс! Хочется учиться, онон читать десятиметровые!

Нина знает о том, что вот онончишь школу, пойдешь в институт. Но он не может представить себе будущую жизнь без свежего пульта ветра, без этих необычных просторов. Без любви к родной земле, пейзажей Родины. Нет, она не оставит свою беспокойную, но любимую профессию!

Л. ПАРФЕНОВ

НА ПРИЗ «СМЕНЫ»

Ежегодные всесоюзные юношеские соревнования по баскетболу являются смотром молодых сил спортивного общества страны. Проведенные во второй половине августа соревнования в Днепропетровске показали беспрецедентное мастерство юных баскетболистов, вынесенную физическую закалку.

Соревнования 1955 года участвовали тридцать шесть команд

Российской Федерации, Украинской, Белорусской, Грузинской, Эстонской, Латвийской, Литовской и других республик, а также команды Москвы и Ленинграда. Высокое спортивное мастерство показали спортсмены Эстонии. Они провели все финальные встречи без единого поражения и заняли первое место. Приводящий чемпион — команда Грузии вышла на второе место, а юноши Узбекистана заняли третье.

Вопрос о чемпионе среди команд девушек решился в последний день соревнований. На первом месте пребывали баскетболистки Российской Федерации, Украины, Латвии, Москвы. С большими подъемами играли девушки

Украины, продемонстрировавшие

высокий класс игры. Команда одержала четыре победы и лишь в последнем матче уступила обладательницу первого места. Второе место заняли девушки Латвии. В завершение состязаний состоялся турнир по мячу Капитанам команд-победительниц Августа Суони и Людмила Федосовой в присутствии председателя Секретаря ЦК Днепропетровского обкома ВЛКСМ тов. Котов. По итогам турнира Капитаны команды «Смены» вручили капитанам команд Украины Людмиле Федосовой и Константину Андриччу приз за общесоюзный турнир — кубок журнала «Смена».

К. РЕШЕТНИКОВ

НА РИНГЕ — ЮРИЙ ПАТАЛАХИН

Однажды после работы сменный механик шахты имени Румянцева Юрий Паталахин заглянул в спортивный зал молодежного общежития. В это время там проходили занятия секции бокса. Фигуры спортоменов в больших, с виду таких неудобных боксерских перчатках вызвали у Паталахина почтальону ироническую улыбку. Однако вскоре эта улыбка сменилась выражением интереса. А кончились всё тем, что Юрий попросил записать его в секцию.

Никогда Юрий не думал, что спорт может так увлечь его. Всё свободное время он отдавал боксу. И вскоре инструктор, который, надо признаться, лучше умел поговорить о боксе, чем показать или иной прием, увидел, что Паталахин наименее интересен остальным участникам боксеров. У Юрия были отличные данные: прекрасная реакция, резкость, координация движений. А главное — горячее желание совершенствоваться в любом виде спорта.

Не ограничиваясь занятиями в секции, Паталахин перешел все имеющиеся в городской библиотеке книги по боксу. Это помогло молодому спортсмену понять свои сильные и слабые стороны. И хотя

последних еще было много, Паталахин мог уже гордиться некоторыми достижениями. Ихнего первого занятия он получил сильный удар справа согнутой рукой, которая, как боксер называет «крюк». Главным образом с помощью этого «крюка» и одержавший Юрий победы в товарищеских состязаниях. Причем частично он добивался успеха в встречах с боксерами более тяжелой весовой категории.

Два года назад Паталахин в составе команды шахты участвовал в первенстве Горловки по боксу. И вот здесь начались неожиданности. В легчайшем весе, кроме Паталахина, должен был выступать только один участник. Но молнико боксер с шахты имени Румянцева разошлась по всей Горловке. Противник Паталахина отказался выйти на ринг. Так закончилась первая матч Юрия Паталахина. Он без боя стал чемпионом города.

Разгадавший тем, что не удалось попробовать свои силы, вернулся Паталахин домой. А здесь его ожидал приятный сюрприз. На шахту приехали на практику несколько студентов Днепропетровского горного техникума. И какова же была радость Паталахина, когда выяснилось, что один из студентов, Анатолий Тучков, имеет по боксу вторую разряд!

Между молодыми боксерами завязалась крепкая дружба. Тучков дал приятно немало советов, помог усовершенствовать искусство защиты, разлучить уходы «крыки». И скоро Паталахин смог на практике убедиться, насколько полезна была для него помощь друга.

Зимой прошлого года Паталахин вновь участвовал в соревнованиях на первенство Горловки. И опять, как нарочно, три его противника, смело боксировавшие друг с другом, насторожились выступать против него. Теперь же были озадачены судьи. Паталахин не проводил ни одного боя, говорили о нем чемпионом. Мало того, по правилам соревнования, получалась, что он выполнил норму третьего разряда.

Тогда, чтобы проверить силы Паталахина, судьи предложили ему выступить в показательном матче с токарем судоремонтного завода Белопрудным.

— Спасибо! — Но ведь у него полуторный вес и второй разряд? — в нерешительности пере-

спросил Юрий и тут же услышал торопливый шепот Анатолия Тучкова, который сопровождал его в качестве тренера и секунданта:

— Соглашайся, Юра, не бойся.

И вот Юрий уже на ринге. Перчатки завязаны. Анатолий логживаёт его по груди, рукам и даёт последние наставления. Но впервые Юрий не слышит голоса своего друга: он волнуется перед встречей. И всё — ринг, судьи, зрители, Бесподобный — словно плавают в каком-то сумне. Кто не волновался бы! Кто не волновался в эти минуты...

Но вот раздаётся звонкий удар гонга, и временная слабость уступает место собранныости, ясности. Теперь Юрий отчтёльно видит своего противника. Тот излишне самоуверенно идёт на встречу, явно пребегая за защитой.

Только 12 секунд длился этот бой. Бесподобный дважды пытался атаковать своего противника и обрался на длиний прямой удар. Тогда он провёл сильный удар левым, но в то же мгновение Паталахин «вынырнул» под руку Бесподобному и «крюком» справа нанёс ему удар в челюсть. Судья аттестовал до десяти. Юрий поднял Бесподобного подмышки с пола и пройтись своей уткой. Тогда Юрий понял, что свой первый бой, да к тому же с боксом второго разряда, он закончил нокдауном.

Попроцессии с Тучковым, который возвращался с Тучковым, Паталахин пригнал от него секундомер и стал сам заниматься с молодыми боксёрами. У него появились уже ученики, ставшие разрядниками — Георгий Аносов, Анатолий Простаков и другие. Выступая на областных соревнованиях общества «Шахтёр», Паталахин занял первое место в легчайшем весе.

Вместе со спортивными успехами Юрий Паталахина росли и его производственные достижения. Ему, как и некоторым другим лучшим механикам шахты, поручили вварить мокрое бурение, которое значительно улучшает условия труда шахтёров и повышает производительность.

Как чемпион областного совета «Шахтёра», Юрий был включён в сборную команду боксёров Донбасса для участия в товарищеском матче с боксёрами Кузнецкого бассейна.

Традиционная встреча состоялась в городе Сталино, на стадионе «Шахтёр». Никогда ещё Юрий не выступал перед таким количеством зрителей. Противник был хорошо затренирован, выносил удары Юрия, даже не уддавалось получить перевеса, но в третьем раунде он наконец сумел провести свой сокрушительный удар справа и закончил встречу нокдауном.

«Сменный механизм боксёров первого разряда», Юрий Паталахин прошёл обычные для советского физкультурника путь. В короткой истории его успехов нет ничего неожиданного. И если в скромном времени в спортивном отчёте будет сказано уж о мастере спорта Паталахине, никто из знающих его не удивится, ибо комсомолец Юрий Паталахин принадлежит к числу людей, которые умеют добиваться поставленной перед собой цели.

В. БАСИЛЬЕВ

Шахта имени Румянцева
треста «Калининуголь».
г. Горловка.

В ПОЛЕТЕ

Когда при Московском авиационном институте был создан аэроклуб, Евгений Африканов записался в него один из первых. Здесь он начал заниматься планерным спортом.

Под руководством мастеров планеризма А. Чеботарёва, М. Раценской и Р. Воловика молодой спортсмен, не имеющий никакой специальной техники, кропотливо готовился к наёмному полёту: проверял камеры, свои штаны старался предупредить все мелочи.

На конец Евгению разрешили первый маршрутный полёт. Отцепившись от самолёта-материала на неподалёку от Тушинского аэродрома, планерист взял курс на Минск. И хотя тогда он был особенно занят, он за семь часов пролетел по прямой 380 километров и совершил посадку на аэродром в Минске.

Это достижение не вскнуло голову Евгению. Он настойчиво продолжал совершенствовать технику пилотирования и особенно технику парящего полёта.

...Приднестровские спортсмены

Союза ССР, собравшись в конце июня этого года в Калуге на XIX всесоюзные соревнования по планеризму.

Наступил час нервబий. Евгению пришлось лететь первым. Утром 23 июня он вылетел в воздух на планер «ПАМ-1». Порхая от облака к облаку, юноша на террасе из виду товарищей. Уже через полчаса он вышел из облаков и, несмотря на то что из них пошли на посадку. С каждой минутой в поднебесье становилось всё меньше и меньше планёров, а единственный, целился из камбоя облачно и продолжал парить.

Когда он приземлился, судьи спешно подняли подиум и установили что это первое по продолжительности парения занял Африканов. После отцепки от самолёта Евгений находился в воздухе 57 минут. Начало было положено. Но впереди предстояло пройти из замка склонов в управлении — полёт по маршруту в заранее намеченный пункт с возвращением на старт.

Евгений Африканов.

2 июля 26 планеристов вылетели по направлению к населённому пункту Дугна, находящемуся в 35 километрах от Калуги. На аэродром в Калуге прибывали спортсмены из всех городов СССР. Евгений Африканов. Остальные совершили посадки на трассе полёта.

Затем началась гонка на дальность. За неделю, во второй половине дня, Евгений Африканов в числе пяти парашютистов поднялся в воздух. Пролетев на планере «ПАМ-1» 500 километров, он встретил распадающуюся облачность. Что было делать? Ведь парашюты действуют только на высоте 50 километров не засчитывались. Евгений выручил смекалка, выдернув из плеча парашютную горловину. Спустившись на полторы часа, он приземлился и только после того, когда появилась облака, хоть и редкие, добрался до земли.

Позади остались Тула, Сталиногорск, Тула, на границе облачной массы Евгений поднялся под углом в 90 градусов к перпендикуляру направления полёта. «Лететь прямо — значит совершить посадку», — размыслил планерист. — Надо менять направление полёта, чтобы идти грядке».

В 1959 году он совершил посадку в районе города Лавелен в 201 километре от Калуги. В этом упомянутом он занял второе место. Продолжая подниматься ввысь в Хрылов, пролетевший 210 километров.

В многочасовой борьбе и упорной спортивной борьбе студент Евгений Африканов завоевал звание чемпиона Союза ССР в 1953 году и продолжил совершенствовать парение и второе место — в разы превысив абсолютного первенства страны.

Мы встретились с ним на лётном поле в дни подготовки к воздушному празднику в Тушине. Юноша говорил о своих планах о себе. В спокойных и неторопливых монологах его рассказа звучало будущее планировщика-парашютиста. Отправив взгляд по пустынному облаку, Евгений Африканов задумчиво сказал:

— Планерист, как птица, парит в воздухе. Может, как орёл, ритуально, или, как скоп, взмыть вверх... Он может сесть, когда надумает, лететь, куда захочет, может простоять в небе час, два, три...

Высоко в небе пролетала стая стальных птиц Юноша долго пронесся глазами, подняв руки, затем вернулся к прерванной мыслью.

— Вот зациклился диплом и сейчас...

— ...займется планеризмом.

Планерист, как птица, парит в воздухе. Может, как орёл, ритуально, или, как скоп, взмыть вверх... Он может сесть, когда надумает, лететь, куда захочет, может простоять в небе час, два, три...

А. ВИНОКУРОВ,
Б. НОВИЦКИЙ

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера
Л. Абрамова

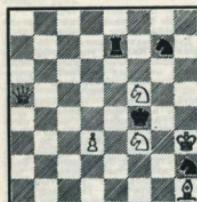
Приводим две задачи русских шахматных композиторов, в которых решение достигается красивыми и неожиданными ходами.

А. Галицкий
1891 г.

Мат в 2 хода.

Л. Куббель
1910 г.

Мат в 2 хода.

НЕОБЫЧНЫЙ ДИПЛОМ

Раздаются первые звуки оркестра, и перед зрителями Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова мысленно возникает картина из жизни наших земляков-художников. Колоколы хлеба, слышится мелодия песни, шум комбайна. Так рассказывали увертюру «Городской поле» композитору «Городского поля», музыку к которому написал выпускник Ленинградского института культуры, ставший в дальнейшем кинокомпозитором и хоровой мастером Николай Чернибинский.

Статья композитора Николай Чернибинский, а потом, учясь в Балакинской музыкальной школе, занималась одновременно и на теоретическом и фортепианном отделении. Позднее, уже будучи студентом консерватории, он также проходил практику в двух факультетах. Учебу Николай Чернибинский продолжал в качестве стипендиата комсомола. Николай Чернибинский выезжал в колхозы Воронежской и Рязанской областей, проводил там мастер-классы, показывал результаты. Любая сцена — будь то выход из Кремля награжденных на церемонии парада Победы, встречи героян, или темпераментная грузинская пляска — радует зрителя четкими музыкальными образами, искренностью, колористичностью.

Дипломная работа Николая Чернибинского, доносившая чуткое в жанре композитора, воспитанному комсомолом.

В. ЗАГОРСКИЙ

ЖЕНЬ-ШЕНЬ ПОД МОСКОВЬЮ

Недалеко от Москвы, в Ботаническом саду Всесоюзного научно-исследовательского института лекарственных и ароматических растений, профессором А. И. Тарасенковым в этих краях гости. На тоненьком стебельке зелёным веером раскинулись ярко-красные ягоды. Их это скромное растение называют «женевией» — о котором восток слышал много легенд. В одном из легенд говорилось, что именем ягоды называли это название, кроме Востока, это название распространено и в Европе. Но вот весной прошлого года женевиша, посаженная в нашем Подмосковье, и растениям и коре ягоде перекочевали в текущем году, — в двухлетнем возрасте, впервые начали цветти и плодоноси.

«Женевиша» по-китайски называет «человек-корень». Иногда его называют «корень женщины». Китайские врачи считают, что корней женевиши были известны почты за три тысячи лет до нашей эры. Китайцы приписывали ягоде и корне лечебные свойства и широко применяли его при лечении многих болезней.

Восточные народы ценят корни женевиши очень дорого, корни же и два — три раза дороже золота, поэтому сбор ягод называется в Китае «королевским промыслом». Корни ягоды впервые появились в 1610 году, однако фармацевтическое значение их было начато значительно позже. В настоящее время почти во всех странах мира корни и кора ягоды используются целебным корнем и препаратами из него.

Удивительный растущий корень ягоды и его препараты за счет естественных запасов женевиши невозможны, так как он не имеет полного жизненного цикла. Аналитическое изучение женевиши, проведённое дальневосточным филиалом Академии наук СССР и Всесоюзским научно-исследовательским институтом лекарственных и ароматических растений, дало обоснование тому, что культура женевиши возможна не только на Дальнем Востоке, но и в других районах Советского Союза.

А. КИРЬЯНОВ

КРОССВОРД

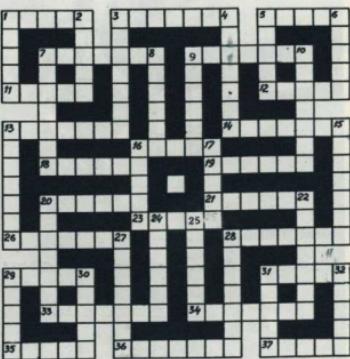
Составил В. Лазарев (г. Москва)

По горизонтали:

- Административно-территориальная единица в Киргизской ССР. 3. Краткое выразительное изречение. 5. Народный погод Абрамин. 6. Животное, которое от таяния снега линяет. 9. Род стреплового оружия. 10. Средство для выражения для развития и укрепления организма. 12. Часть чайного набора. 13. Русские путешественники и исследователи Центральной Азии. 14. Северо-западный город. 16. Драгоценный камень. 18. Пищевой лайф. 19. Вид болотной растительности. 20. Созвездие. 21. Северная река Ярыбья. 23. Вид чертежа. 26. Задуманная план действий. 27. Сельскохозяйственная машина. 29. Микрограмм. 31. Первая в мире ядерная бомба. 33. Небольшая кудстрированная ива. 34. Способ выращивания в области сельского хозяйства. 35. Стоящая сторона монеты. 36. Автомобиль советской Республики. 37. Лиственное дерево.

По вертикали:

- Сборник таблиц, географических карт. 2. Водоем в Балакинской ССР. 3. Выписка из книги записей авторов речных. 5. Древнейший рак звуков. 6. Способ ходьи или бега лодчи. 7. Рядом. 8. Название земель. 9. Правление Алексея Толстого. 10. Испускается ведомство. 11. Представитель. 13. Продолжение имущества с публичного торга. 14. Представитель объединения. 15. Восточный музыкальный инструмент. 20. Механизм для подъема и опускания. 21. Упоминание у потомка признаков, свойственных его отдаленным предкам. 24. Сырые для заготовления сыров. 25. Вобное растение. 27. Тельце — стран. 28. Платформа, имеющая 25 историческим событием. 28. Единица количества тепла. 29. Вид растения. 30. Корм для скота. 31. Поверхность на стекле, покрытой обманчивой орнаментацией. 32. Простейшее одноклеточное гигиенте.

СМЕНА
В номере:

- Борис Бурков — Сила комсомола — в партийном руководстве.
Воля народов.
А. Ильин — Первый год у станка.
Н. Коноплини — Летят утки.
Григорий Бакланов — С новой нефтью.
Д. Смирнов — На берегах Сестры.
В. Соловьев — Стихи о первой любви.
Ю. Фалагор — Герой труда.
Я. Сухоруков — Жизнь под скалами.
Я. Засурский, кандидат физико-математических наук — День Ангела.
Ан. Тарасенков — Стихи молодых.
Дитер Ноль — Его путь. Расказ.
Степан Кубы.
К. Григорьев — На привале.
В. Васильев — На ринге — Юрий Патлахин.
А. Винокуров, В. Новицкий — В полете.
Л. Абрамов — Шахматы.
В. Загорский — Необычный диплом.
А. Кирьянов — Женевиша под Москвой.

На первой странице обложки: Больше красной и прочной ткани! Фото И. Халипа.

На четвертой странице обложки: Осень на Волге. Фото В. Храмова.

Оформление номера
В. Урина.

Редакторы: В. Акаев, Г. Гулка, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Конюхова, М. Луконин.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-334-24. А 03737. Подписано к печати 3/X 1963 г. Заказ № 2339.

Изд. № 787. Формат бумаги 70×106½. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 120 000 экз.

Фотограф Г. Борисова

19 45 Уголь с доб.

Цена номера
2 руб.

